

Андрей Борцов

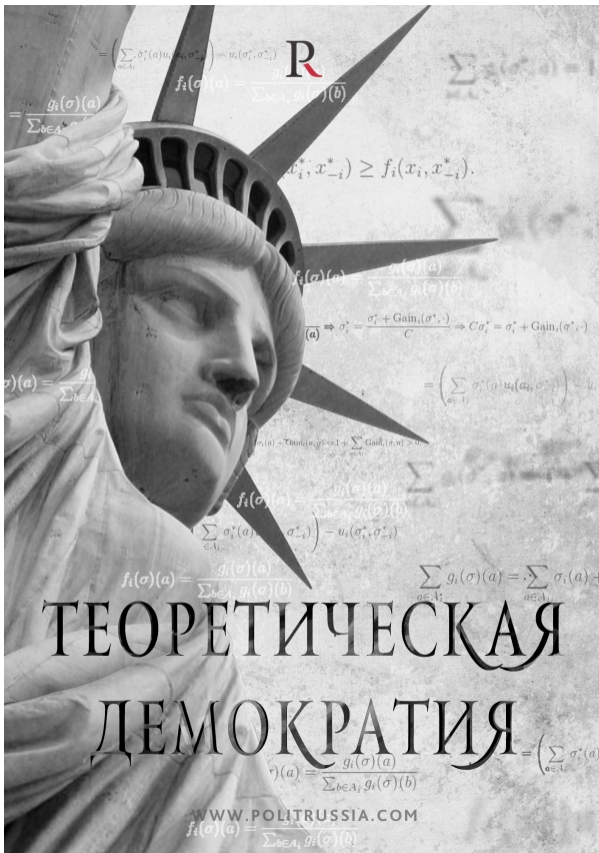
Демократия без прикрас

(специально для politrussia.com)

Оглавление

1. Теория	2
2. История.....	5
3. Выборные системы	8
4. Электорат	13
5. Охлократия.....	15
6. Партии	18
7. Прямые выборы	22
8. Меньшинства	26
9. Цивилизованная демократия	29
10. Что делать?	32
Олег Новоселов, Притча про толерантность	35
11. Демократия по-русски	36
12. Функциональность	40
13. Как надо: демократия для большинства	43

1. Теория

Демократия — это одно из понятий, которые в современности являются как бы «всеми понятными и очевидными», но на самом деле такими не являются. Взять хотя бы само происхождение термина: все слышали, что это «власть народа». Однако кто именно подразумевается под народом (исторически это весьма отличалось!) и в чём именно заключается власть одного? Если обратиться к истории, то греческое «κράτος» изначально, до обретения смысла «власть/управление», означало силу, при этом не физическую, а способность выигрывать в общем виде, побеждать в борьбе. То есть подразумевается возможность народа влиять на свою жизнь — но, опять же, а каким именно способом?

Давайте постепенно разберём, что есть демократия, как она развивалась, что под

ней подразумевалось ранее — и что сейчас.

Начнём, пожалуй, с математического обоснования несоответствия демократии справедливости и здравому смыслу. Нет, это не новость — Мари Жан Антуан Николя де Карита, маркиз де Кондорсе сформулировал свой парадокс ещё в 1785-м году, более двух столетий назад.

Стандартное восприятие демократического выбора, которое существует у избирателя, — это желание, чтобы результат голосования привёл к его удовлетворённости в будущем: «Проголосую, и будет выбран правильный политик, который сделает то, что мне хотелось бы». Однако эффект Кондорсе следует из того, что непопулярные политики и политические тезисы разными избирателями воспринимаются по-разному, что и приводит к парадоксу нетранзитивности: «при наличии более двух альтернатив и более двух избирателей коллективная ранжировка альтернатив может быть циклической (не транзитивна), даже если ранжировки всех избирателей не являются циклическими (транзитивны)». Математическое изложение парадокса для не-математика может выглядеть сложным, поэтому в этой публицистической статье логичнее не показывать весь ход рассуждений (желающие могут ознакомиться с таковым в интернете), а продемонстрировать, к чему демократия может привести, остенсивно.

Наглядных иллюстраций парадокса Кондорсе существует множество, остановимся на самом наглядном: есть три избирателя, которые голосуют по неким трём вопросам. Их мнение выглядит как «да/да/нет», «да/нет/да» и «нет/да/да» соответственно. Таким

образом, суммарный итог голосования будет выглядеть как «да/да/да» — и при этом не будет устраивать вообще никого из участников! По такой схеме, например, некий закон будет принят постатейно, но при этом в целом будет отвергаться всеми участниками — странная ситуация, не так ли?

Сам маркиз предложил избежать подобных недостатков прямого голосования методом ранжирования мнений: не просто «я голосую за Иванова», а «я предпочитаю Иванова, на худой конец — Петрова, а Сидоров у меня в конце списка». Не будем закапываться в объяснения, как именно это работает, в подробностях (как говорилось, материалы легко найти в интернете), но обратите внимание, что метод, исправляющий парадокс, известен с XVIII века, но на практике используются совсем другие — их мы обсудим позже, в другой части статьи. Сейчас же важно отметить, что знание эффекта Кондорсе вполне может быть использовано для достижения своих целей, не соответствующих чаяниям избирателей.

Дальнейшее развитие математических доказательств некорректности демократии как инструмента отражения интересов общества получило в 1951 году благодаря Кеннету Эрроу (именно за это он получил Нобелевскую премию в 1972 году). В исследовании «Социальный выбор и индивидуальные ценности» он рассмотрел демократию как модель общественного выбора, объединяющую индивидуальные предпочтения. Изложим суть без математического аппарата.

Аксиома универсальности: система выборов должна обеспечивать возможность любого распределения голосов. Очевидное требование.

Аксиома единогласия: если имеется единогласное мнение у всех голосующих, то результат голосования должен приводить именно к этому выбору. Ещё более очевидно, не так ли?

Аксиома независимости от несвязанных альтернатив: предпочтение избирателем определённого выбора при голосовании не должно зависеть от его отношения к альтернативным вариантам. Хотя требование логически верно, на практике оно может нарушаться по психологическим причинам. Однако сейчас мы рассматриваем идеальную демократию и математику процесса; да и, если говорить именно о политических выборах, мнение о кандидатах является условием осознанного выбора.

Аксиома полноты: система голосования должна обеспечивать сравнение любой пары кандидатов, включая случай одинаковой привлекательности для избирателя. Также сложно представить демократическую избирательную систему без такого механизма.

Аксиома транзитивности: «если в соответствии с мнением избирателей кандидат В не лучше кандидата А (хуже или эквивалентен), кандидат С не лучше кандидата В, то кандидат С не лучше кандидата А». Простая логика высказываний, по сути просто утверждается рациональность поведения избирателей.

Все пять аксиом полно описывают демократическую избирательную систему в общем виде, не так ли? А вот затем Эрроу доказал, что выполнение всех аксиом одновременно невозможно. Если точнее, то он добавил шестую аксиому об отсутствии диктатора — человека, который имеет возможность и желание навязывать своё мнение всему социуму, и математически доказал, что одновременное выполнение всех шести аксиом

невозможно. Т.е. если выполняются первые пять — то выбор осуществляется как следствие подчинения диктатору — именно поэтому конечный вывод Эрроу получил название «теоремы невозможности».

Три цели демократии, а именно — коллективная рациональность, способность избирателя принимать решения и равенство власти, как оказалось, противоречат друг другу. Если исходить из равенства и способности принимать решения (суть избирательного процесса), то придётся отказаться от коллективной рациональности выбора (см. парадокс Кондорсе, рассмотренный в начале статьи). Если настаивать на коллективной рациональности, то принцип равенства будет наличествовать лишь при подходе, когда результат голосования определяется лишь полным консенсусом электората. И, в конце концов, если исходить из способности принимать решения, то придётся концентрировать это право для всё более узкого круга, т.е. по сути переходим к тому же диктатору в предельном случае.

При этом в роли диктатора не обязательно должен выступать некий вождь и т.п. — в общем виде условие свободы выбора может быть снято любым достаточно глобальным посторонним воздействием: религией в фундаментальных странах, угрозой всему народу извне и т.д. — включая так называемое общественное мнение, которое зачастую инспирируется внешними силами в своих целях. Забегая вперёд: именно так работает современная демократия.

И ещё один интересный нюанс.

Не относясь напрямую к выборам, так называемое равновесие Нэша также наглядно иллюстрирует современный демократический мир. Джон Форбс Нэш-младший, изучая теорию игр, сформулирован тезис:

«Если в некоторой игре с произвольными количеством игроков и матрицей выигрышей существует такое состояние, что при выборе не соответствующего ему хода любым из игроков в отдельности его личный выигрыш уменьшится, то это состояние окажется “равновесным” для данной игры. Кроме того, в ряде случаев ходы игроков будут иметь тенденцию стремиться к этому состоянию, даже если в этой игре есть другие состояния, в рамках которых выигрыш игроков в целом и/или по отдельности выше».

Обычно теорию игр применяют к экономике, но, говоря о демократии, можно применить её к конкуренции партий — это ведь так демократично, не так ли?

Равновесие Нэша — это «положение, при котором самостоятельные стратегии продавцов не позволяют получить результат лучший, чем результат конкурента», т.е. в условиях олигополии равновесие Нэша достигается при нулевой прибыли (если не работать далее в убыток). Таким образом, оптимальной стратегией для всех олигополистов является сговор, позволяющий держать цены. Но немногочисленные политические партии вполне являются аналогами олигополистов, только на политическом поле — им выгодно продолжать своё существование и иметь с этого власть и прибыль, а не выполнять требования избирателей, так что сговор (не обязательно официальный) тут неизбежен: «нам всем наплевать на избирателей, просто будем изображать конкурентную борьбу и время от времени меняться у руля».

Участие обычных людей, не имеющих возможности действительно влиять на

происходящее в стране, что в рыночной экономике, что в либеральной политике направляет их положение к равновесию Нэша, которое на практике может отстоять от их общего и личного блага сколь угодно далеко.

Таким образом, демократия с точки зрения математики является самопротиворечивой моделью социума, при которой велика вероятность устойчивых равновесных состояний, значительно удалённых от оптимума как для социума в целом, так и избирателей лично. Тем не менее она считается если не идеальным общественным строем, то как минимум — вспоминая Уинстона Черчилля — наилучшим.

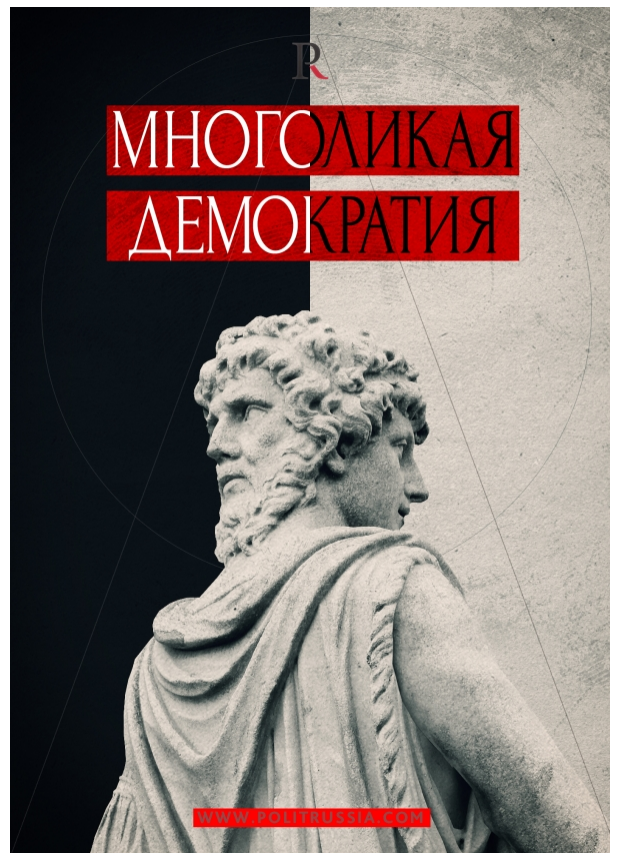
2. История

Слово «демократия» в конце XX — начале XXI века воспринимается неоднозначно. С одной стороны, она считается «цивилизованным обществом» настолько привлекательной, что демократическими называют себя даже страны с весьма, скажем так, своеобразным социальным устройством. Всем известный пример — Демократическая Кампучия (Камбоджа) с её «красными кхмерами». С другой стороны, становление демократии в 90-х взамен «советского тоталитаризма» привело к тому, что в народе слово «демократ» практически стало ругательством.

Дело в том, что демократия — понятие не столь уж однозначное. «Власть народа» — это упрощение до лозунга, а вот кто входит в этот самый народ, кто обладает избирательными правами? Давайте обратимся к истории и очень кратко, но наглядно, ознакомимся с этим вопросом. Параллельно предлагаю читателю подумать над темой «насколько это всё было демократично».

Начнём, как нетрудно догадаться, с Древней Греции, которая считается у интеллигентов чуть ли не образцом демократии. Тем не менее, разработанной политической теории у древних греков не было (а каких только теорий они тогда не изобретали!), при этом великие интеллектуалы — Сократ, Платон, Ксенофонт, Аристотель и др. — если и не были напрямую противниками демократии, то как минимум её критиковали.

Очень нагляден пример Демокрита. С одной стороны, он пишет: «бедность в демократии настолько же предпочтительнее так называемого благополучия граждан при

царях, насколько свобода лучше рабства» — вроде бы однозначно за демократию, не так ли? Но что он понимал под демократией? Демокрит считал, что демократия — она не для всех, и «чернь» не должна допускаться до власти и стремиться к ней. В тех же самых Афинах на значимые должности долгое время избирались исключительно аристократы, да и потом во власти из было подавляющее большинство. Однако афинская демократия имела очень правильную особенность: выборные должностные лица должны были отчитываться в своей деятельности (вспоминается запрещённая «Армия воли народа» Ю. Мухина). Но Демокрит считал такой подход несправедливым: «Не подобает, чтобы правитель был ответствен перед кем-нибудь другим, кроме как перед самим собой, и не подобает, чтобы тот, кто господствовал над другими, попадал [через год] сам под власть этих других». Ну и как вам такая демократия?

Платон указывал, что демократия несправедлива, так как к власти приходят либо по жребию (была такая практика для не очень значительных должностей — и, надо заметить, это как раз очень демократично в плане равноправия и проч.), либо те, кто «обнаружил свое расположение к толпе». Он справедливо замечает, что демократия провозглашает равенство в правах и тем самым уравнивает неравных по природе (это верно и в настоящем, если понимать как личностные свойства, а не происхождение и т.д.).

Труд «Политика» Аристотеля общеизвестен. Вспомним, что он выделял три «хороших» вида правления: монархию, аристократию и политику (т.е. власть «среднего класса»), которые могут вырождаться: «Отклонение от монархии даёт тиранию, отклонение от аристократии — олигархию, отклонение от политики — демократию, отклонение от демократии — охлократию». При этом он различал пять подвидов демократии, но не будем закапываться в нюансы.

Древнейшая демократия по названию — это Афины, приблизительно с 500 по 330 гг. до н.э. — общеизвестно, что там все-все граждане могли принимать участие в политических решениях. Вот только реально граждане, обладающие избирательными правами, составляли хорошо, если четверть взрослого населения: в голосовании не участвовали женщины, рабы и рождённые в других греческих городах. Помните, у Стругацких в «Понедельнике начинается в субботу» был фрагмент про древнегреческого философа и предлагаемое им государство, устройство которого «было необычайно демократичным, ни о каком принуждении граждан не могло быть и речи (он несколько раз с особым ударением это подчеркнул), все были богаты и свободны от забот, и даже самый последний землепашец имел не менее трех рабов»? Но если про рабов и так понятно, про женщин тоже многие в курсе, то про другую группу свободнорожденных совершеннолетних эллинов, не допускавшихся к выборам, знают далеко не все: если полноправный гражданин по каким-либо причинам переезжал в другой полис из того, где он родился, то он терял все политические права и часть гражданских.

Кстати, к месту будет вспомнить Новгородское вече — сколько было славословий про «истинную демократию», которую-де изничтожили клятые тоталитарно-царские москали! Однако когда археологи добрались до вечевой площади, то определили, что её размер был всего лишь где-то 40x50 метров, при этом из летописей известно, что там даже не стояли, а сидели. Короче говоря, исследовав проблему (подробности опускаю), историки

определили, что вече в Великом Новгороде составляли несколько десятков знатных человек, а вовсе не всё население.

Так что исторические варианты демократии сейчас очень вряд ли кто-либо назвал демократическими... Давайте теперь посмотрим на прошлое с точки зрения равноправности выборов — ведь демократия это подразумевает, не так ли?

Имущественный ценз. Здесь показателен фрагмент, который гуляет из статьи в статью и из реферата в реферат: «В литературе справедливо отмечалось, что люди, не имеющие имущества, не добившиеся определенного положения в государстве, не должны допускаться к управлению государством». Справедливость — понятие культурно зависимое, знаете ли. Вот такая «справедливость» — она либеральная, когда человек рассматривается не как личность, гражданин и т.д., а как собственник. Мне вот — у меня-то нет либеральной парадигмы в мозгах — как-то не понятно, почему умный и честный бедный человек избирательных прав иметь не должен, а богатый вор, мошенник и враг народа — должен. Исторический пример для иллюстрации количества избирателей: во Франции (очень и давно демократическая страна, не так ли?) в 1791 г. избиратели составляли 16% от взрослого населения; Конституция 1795 г. увеличила имущественный ценз — избирателей осталось 8%; революция 1830 г. уменьшила ценз с 300 до 200 франков, электорат восстановился до прежнего объёма; ну а когда революция 1848 г. по факту отменила имущественный ценз, то электорат целую треть взрослого населения! Демократично с современной точки зрения, как думаете?

Возрастной ценз. Ситуация очень показательна: во многих странах (англосаксонская традиция) активное избирательное право и остальные гражданские права возникали с 21 года. Когда США начали войну со Вьетнамом, то расхожим выражением стало «слишком молод для выборов, в самый раз — для войны». Избирательный возраст был снижен до 18-ти лет в Великобритании и ФРГ в 1970-м году, в США — в 1971-м, во Франции — в 1974-м, в Италии и Швеции — в 1975-м и т.д. Кстати говоря, в США и сейчас смешная ситуация: в армию и на выборы — с 18-ти лет, а вот спиртное можно всё ещё лишь с 21 годика. У нас в этом возрасте уже пить бросают...

Избирательное право для женщин. Первым (я сам не знал) всеобщее избирательное право для женщин ввели в Новой Зеландии в 1893-м году, затем — в Австралии (1902 г.) и России (на территории Финляндии, с 1906 г.; на остальной — только с 1917 года). Показательный пример: в Германии женщины получили право голоса в 1918-м году, но до 1926-го года на выборах использовали отдельно «женские» и «мужские» бюллетени. Нацисты отменили избирательные права женщин в 1933-м году, причём женщины получили их обратно не сразу после окончания войны, а лишь в 1948-49 гг. Ну и на десерт: в Швейцарии женщины получили всеобщие избирательные права 7 февраля 1971 г.

Расовый ценз. То, что в Америке угнетали негров — все в курсе. Но не все знают, когда это прекратили делать (ну а затем пошла т.н. обратная дискриминация, но это вопрос для отдельной статьи) — «Закон о гражданских правах» вступил в силу 2 июля 1964 г. А за десяток лет до этого ещё существовала расовая сегрегация даже в автобусах.

Ещё интересный факт: всемирно известный борец против рабства Линкольн отнюдь не был аболиционистом. «Честный Эйб» в «Прокламации об освобождении» (1862-63 г.)

объявил свободными негров, проживающих на территории Конфедерации, но не на Севере. Государственный секретарь У.Г. Сьюард тогда метко выразился: «Мы выразили свою симпатию рабам, освободив их там, где мы не можем этого сделать, и продолжив держать их в рабстве там, где могли бы освободить их». Такой ход был сделан Линкольном исключительно с целью ослабления Юга, чтобы поднять там негритянскую «пятую колонну». Демократично?

Но давайте глянем на факты ближе к нашему времени: ещё в XX-м веке вполне обычным европейским развлечением были зоопарки, в которых содержались в том числе и люди (кто не верит — задайте поиск «human zoo»). Последние клетки с людьми были убраны лишь в середине 30-х гг. XX века, а в 1958-м году в Брюсселе на выставке была представлена «временная экспозиция», где в качестве экспоната демонстрировалась «конголезская деревня вместе с жителями». И даже в США, где негры жили уже пару сотен лет, в зоопарках содержали пигмеев, которых считали чем-то вида полуобезьян. Демократия XX-го века!

Впрочем, сейчас, в XXI веке, ситуация становится не менее интересной, только маятник устойчиво качают в противоположную сторону: либералы всеми силами проталкивают законы, позволяющие голосовать не-гражданам (мигрантам). Для чего это делается — понятно: если политик договорится с руководством диаспоры, то получит значительный пул голосов.

Показательно, что формально мигранты имеют право голоса в РФ на основании закона №67-ФЗ от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», и сигналы о том, что такой подход, возможно, будут продвигать на практике, появились в прошлом году. Не знаю, будет ли это использоваться (народу это точно не понравится), но показательно, что законопроект №401835-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (по вопросу избирательных прав иностранных граждан)», который должен был блокировать эту коррупционную лазейку, был передан на рассмотрение Государственной Думы 20.03.2014. В результате официально сообщается:

«Рассмотрение законопроекта Государственной Думой:
законопроект не рассматривался 21.03.2014 -
отклонить законопроект 01.04.2014».

Таким образом, демократия — которая, как общеизвестно, «власть народа» — это очень, очень исторически разнообразное явление, включая не только древнюю, но и новую и даже новейшую историю.

Что же касается Западного мира, то там нормой является (в отличие от русской культуры) концепция «что законно — то и справедливо». В контексте разговора: что назовём демократией, то ей и является.

3. Выборные системы

Помните старый детский анекдот про крокодила в зоопарке? Эта притча как нельзя лучше подходит как описание методов демократического подсчёта голосов.

— Здесь у нас крокодил. Его длина от головы до хвоста — три метра, а от хвоста до головы — четыре метра.

— А почему длина разная получается?!

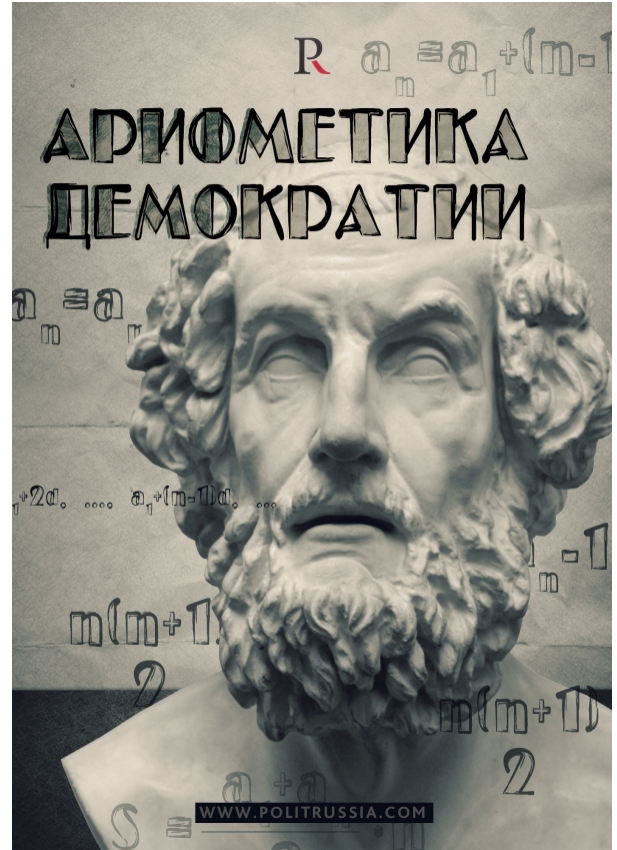
— Наш крокодил. Как хотим, так и измеряем.

Про математические парадоксы и о том, как понималась «всеобщность» избирателей, мы уже поговорили, а сейчас обсудим такую простую — на первый взгляд — тему, как определение победителя при голосовании.

Вот возьмём такое понятие, как большинство голосов. Что тут не понятного? — спросит человек, далёкий от политики. А вот разбирающийся в теме ему подскажет, что бывает большинство абсолютное (50% голосов плюс ещё один), относительное (Вася набрал больше голосов, чем Петя) и квалифицированное (не менее заранее заданного минимума). И какое большинство применять как критерий — дело тонкое и интимное. Ну, скажем, нельзя же требовать набрать 50% голосов от кандидата, которого терпеть не может 60% избирателей? Но вот если его соперника на дух не переносит 75% электората, и больше на выборы никого не пускать, то результат будет интересный — и при этом демократический.

А ещё есть две общепринятые системы подсчёта — мажоритарная и пропорциональная. Это не «взамен» большинства, а в дополнение, чтобы можно было ещё демократичней запутаться.

Мажоритарная система — это то самое большинство голосов (какое именно используется — дело вкуса). Как не трудно догадаться, такую систему должны любить очень крупные партии, которые хотят подгрести всё под себя. При партийных выборах, когда голосуют именно за партию, вполне возможна интересная ситуация, когда значительная часть избирателей вообще никем не будет представлена. Скажем, партия №1 набрала 51% голосов — и партия №2 с 49% голосов оказалась за бортом в полном составе. Но это — сферические избиратели с 100%-й явкой в вакуум. Гораздо реальнее ситуация, что на выборы пришла хорошо если половина избирателей, и тогда партия №1 представляет интересы лишь четверти населения — и то, если не учитывать наивность этих избирателей, которые почему-то считают, что в XXI веке политики исполняют свои предвыборные обязательства. Последним таким ещё в прошлом веке был, пожалуй, Адольф Гитлер — не с него же пример брать, в самом деле. А если учитывать

распределение мандатов в парламент по партиям и избирательным округам — то вполне вероятно ситуация, что большинство населения голосовало за партию №2, но было сосредоточено в меньшей части округов — и по количеству мандатов большинство будет у партии №1. И это — не говоря о том, что при значительном количестве кандидатов, когда требовать абсолютного большинства не логично, может победить кандидат, который наберёт больше голосов, чем остальные — скажем, целых 10%! У остальных-то десятка кандидатов — и того меньше. Конечно, можно потом делать тур между двумя кандидатами, набравшими больше остальных, но тут вступает в действие парадокс маркиза де Кондорсе, про который говорилось ещё в первой части работы. Соответственно, при желании можно подгонять избирательные округа под кандидата — «нарезать» их помельчи или покрупнее, немного изменить территориально... И всё это — демократично. Впрочем, для честности отмечу, что мажоритарная система обычно применяется для политиков индивидуально, а не для партий.

Есть ещё и пропорциональная система. Весьма демократичная — там такие махинации не пройдут, ведь депутатские мандаты распределяются в зависимости от количества голосов избирателей, всё по-честному.

Она подразумевает голосование по партийным спискам — т.е. распределение мандатов между партиями будет отражать настроения народа более точно, но как будет работать правительство, законодательные органы и т.п., состоящие из политических противников — и, что ещё хуже, из политических интриганов, которые будут кооперироваться «за» и «против», исходя из карьерных и т.п. соображений, а не из интересов нации и государства? При этом сразу после выборов и до начала следующих депутатов на избирателей, как писали классики, плевать слюной: личной ответственности депутат перед избирателями не несёт даже символически — партия прошла в парламент, а кому именно мандат выдан — дело внутривнутрипартийное (вот от партийного руководства при такой системе кандидат как раз и зависит).

Классический пример: президентские выборы 1986 г. в Португалии. М. Соареш набирает в общем туре 25,4% голосов, в Д. Фрейташ ду Амарал — 46,3%. Оба выходят во второй тур, и тут сторонники прочих кандидатом говорят ду Амаралу «фи!», и в результате М. Соареш одерживает победу со счётом 51,4% против 48,6%. Вариант «голосовать пропорционально за партии, пусть партия президента назначит» тут не проходит по понятным причинам — слишком важная должность. Но даже если и так, то вполне возможен случай, когда более предпочитаемый народом кандидат по какой-либо причине состоит членом менее уважаемой партии — и что тогда?

Таким образом, на вопрос «какая система подсчёта голосов лучше, мажоритарная или же пропорциональная?» — надо честно отвечать: «обе хуже!». Именно поэтому часто применяются смешанные системы, позволяющие организаторам выборов быть ещё более демократичными в нужную сторону.

Иногда встречаются попытки изобрести что-то новенькое. Приведу пару примеров.

Система единственного непередаваемого голоса (применялась в Японии): создаются многопартийные округа, но партии публикуют список своих кандидатов, и голосовать надо лишь за одного кандидата из любого списка. Победитель определяется

относительным большинством голосов.

Система кумулятивного вотума (в некоторых землях Германии): избиратели имеют несколько голосов, которые распределяют между кандидатами любым способом — хоть все одному, хоть разным по одному голосу.

Но зачем копать в экзотике? У нас же есть самая демократичная страна — США. Давайте же посмотрим, как проходят президентские выборы в мировом оплоте демократии!

Для начала: электорат в США голосует не за партии и не за кандидатов — а за так называемых выборщиков, которые и будут выбирать президента. Проще говоря, Барак Обама (разумеется, не только он) был избран не всем американским народонаселением, а Коллегией выборщиков из 538-ми профессиональных политиков. Уже интересно, не так ли?

Но далее (или вглубь?) всё ещё демократичнее.

Количество выборщиков от штата — различное, от 55-ти до 3-х человек. При этом их количество не зависит от количества жителей штата напрямую. Просто так сложилось, знаете ли.

В 48-ми штатах плюс Округ Колумбия, т.е. везде, кроме штатов Мэн и Небраска, действует правило «победитель получает всё»: кандидат в президенты, набравший больше всех голосов внутри штата, получает голоса не только тех выборщиков, которые голосовали за него, а всех выборщиков штата (соответственно, другой кандидат лишается голосов, за него поданных). Пусть из 55-ти выборщиков штата Калифорния за кандидата №1 проголосовало 23 человека, за кандидата №2 — 22. В итоге кандидат №1 получает 55 голосов.

При этом нет федерального закона, обязывающего выборщиков голосовать согласно желаниям тех, кто избирал их самих; были случаи, когда выборщик просто путал кандидатов при голосовании... Очень, очень демократично!

Наглядный пример — выборы Джорджа Буша-младшего в 2000г.: он получил 47,9% голосов избирателей против 48,4% Альберта Гора, зато обошёл того по голосам выборщиков: 271 против 266. По, вероятно, случайному совпадению победу решили голоса выборщиков Флориды, где губернатором в то время был Джеб Буш, брат кандидата в президенты.

В попытках «правильно» подсчитать голоса энтузиасты выборов доходят до... гм, высшей математики выборов. Так, была изобретена система правила передачи голосов для пропорционального представительства (она же — система единого переходящего голоса, она же — квотно-преференциальная, также известная как система Хэр-Кларка). Процедура в простейшем варианте такова: избиратель должен проранжировать в бюллетене всех кандидатов либо часть списка. А дальше идёт эквилибристика с голосами — они неким образом перераспределяются (причём с весовыми коэффициентами) от одних кандидатов другим, причём процесс может занимать не одну итерацию. Подробно обсуждать смысла нет — существует не одна модификация метода. Так, в центральной Австралии и Северной Ирландии используется классический метод

Грегори, в Южной и Западной Австралии — включающий метод Грегори, в Шотландии — взвешенный включающий метод Грегори, а Новой Зеландии — метод Мика. Насколько такой научный подход помогает решить проблему справедливого подсчёта голосов? Прочитую статью по теме. Вольский В.И., Карпов А.В. «Применение различных вариантов правила передачи голосов»:

«В 1974 г. на выборах в австралийский сенат возникла ситуация, отчётливо продемонстрировавшая несправедливость метода Грегори. Существенная доля сторонников кандидата от либеральной партии по фамилии Боннер указала в качестве второго предпочтения лейбориста, но, так как Боннер был избран благодаря передаче голосов от другого кандидата, при перераспределении излишка эти голоса не учитывались, и кандидат от лейбористов проиграл. На протяжении почти десятилетия в стране шла дискуссия относительно необходимости изменения избирательной системы, и в 1983 г. обычный метод Грегори был заменён на включающий.

Однако на выборах 2001 г., которые проводились уже на основе включающего метода Грегори, вновь сложилась аномальная ситуация. На 234 этапе (!!! — А.Б.) подсчёта применение метода привело к увеличению веса некоторых голосов, что отразилось на конечном результате. В ходе вновь развернувшейся дискуссии сторонники проведения очередной избирательной реформы разделились на две группы. Представители первой выступают за возвращение к методу Грегори, поскольку его прозрачность позволяет проследить, как был произведен подсчет голосов и на что повлияли голоса тех или иных избирателей. Представители второй настаивают на дальнейшем усложнении системы. Кроме метода Мика предлагаются метод Уоррена и система Райта, являющиеся модификациями метода Мика».

Что же касается упомянутого метода Мика, то он уже настолько, гм, математичен, что даже в законе о выборах «его прямое описание заменено в законе ссылкой на статью в научном журнале и алгоритм, занимающий на языке программирования Pascal несколько страниц ... основан на методе подсчета голосов, изложенном Брайаном Миком в 1969 г., что требует использования Алгоритма 123. Этот метод (с усовершенствованиями) описан в статье в The Computer Journal (UK), Vol. 30, №3, 1987, pp. 277–281...».

Как нетрудно догадаться, выборы в таком случае сводятся к загрузке данных в компьютер, а потом просто «нажми на кнопку — получишь результат». Вручную проверить всё равно затруднительно, так что компьютерам политиков придётся верить на слово...

Таким образом, современно в мире существует множество весьма демократических избирательных систем, на любой вкус политиков. Мало ли какой инструмент для какой задачи лучше подходит, правда ведь? При этом с повышением уровня демократичности подсчёта голосов избирательные системы всё дальше уходят от «выбора большинства» — и перепроверить результаты выборов, даже имея все оригиналы бюллетеней, становится всё менее возможным.

Как метко выразился профессор политологии Н.В. Гришин:

«В политической науке существуют две традиции — как признавать за выборами то, что они выражают объективное общественное мнение, так и отрицать это свойство».

- Сколько будет дважды два?
- А мы покупаем или продаём?

4. Электорат

Что ж, когда мы ознакомились с тем, как выбирают, давайте осмыслим вопрос «кто выбирает». Сразу отмечу, что здесь и далее я не буду касаться вопроса фальсификации выборов и т.п. — куда интереснее показать не «как искажают результаты демократических выборов», а «что из себя представляет демократия».

Начнём, пожалуй, с всеобщности выборов. Ведь именно это подразумевает демократия, не так ли?

Напоминаю, что в России участие в выборах является свободным, добровольным и личным делом. Не хочешь — не ходи. В некоторых странах (их всего пара десятков) неучастие в выборах влечёт наложение штрафа или даже некоторое ограничение в правах, но это ведь не демократично!

Таким образом, выборы — добровольно и демократически — становятся не всеобщими, а «выборочными». Скажем, пришло на явку 60% избирателей, из них, например, 55% избрало кого-то — но в итоге-то за него голосовала всего лишь треть избирателей от всего объёма электората. На эту тему в интернете можно найти множество рецептов на тему «все бойкотируем выборы» или там «все на них ходим и дружно портим бюллетени», но не суть. Главное — это демократический подход, когда в условиях отсутствия минимальной явки возможна ситуация: если на выборы пришёл один-единственный избиратель, который ранее зарегистрировался как кандидат, и проголосовал за себя-любимого, то он будет избран, причём со 100%-м результатом.

При этом понятно, что введение минимума явки — не решение: если её поставить адекватно современной ситуации, то ничего не изменится принципиально, а если назначить на уровне, который будет действительно показывать отношение электората — скажем, 80% — то мало какие выборы состоятся, если они превышают уровень сельсовета из десятка хозяйств. Так, до отмены порога явки в 2006 г. он составлял в РФ 50% для президентских выборов, 25% — для выборов в Госдуму, а на региональных выборах — целых 20%.

По данным опросов, в РФ не участвует в выборах от 40% до 70% избирателей. Нередко заявляют, что избегание выборов показывает уровень легитимности власти — но это не

так: на выборы не ходят не только потому, что-де бесполезно, но и потому, что не видят необходимости: «я бы проголосовал за Иван Ивановича, но его и так изберут, так что ходить незачем». Конечно, в результате избрать могут вовсе даже Сидора Сидоровича, который имеет значительно меньшую поддержку электората — будет демократический сюрприз!

И не надо говорить, что-де «сами виноваты» и про «гражданский долг» — этим осуществляется тонкая подмена понимания демократии как «власти большинства» на «теоретическую возможность, если всё делать идеально» таковой. Суть не «самовиноватости», а в том, что демократический механизм *per se* подразумевает уловку, позволяющую меньшинству одержать победу над большинством.

Результаты свежего опроса ВЦИОМ на тему выборов в Мосгордуму: «33% опрошенных москвичей, имеющих право голоса, сказали, что, безусловно, собираются принять участие в выборах в Мосгордуму 14 сентября. Еще 19% — скорее всего, примут. Таким образом, около 52% москвичей заявили о готовности участвовать в выборах».

Однако, как профессионально поясняет гендиректор ВЦИОМ В. Федоров: «Приходят на выборы меньше, чем говорят заранее. Это не только московский, это общероссийский феномен. Так, на выборы мэра в прошлом году собирались пойти 76%, а пришли 32%», и прогнозирует явку приблизительно в 25%. Таким образом, даже если все пришедших сделают одинаковый выбор — по сути он будет осуществлён лишь четвертью электората.

Не менее интересен вопрос «как выбирают».

По материалам того же опроса ВЦИОМ, 66% респондентов ответили, что ничего не знают о кандидатах своего округа. И, думаю, вряд ли узнают — а вы как считаете?

Не менее наглядная иллюстрация: за «Единую Россию» собирается проголосовать около 28% опрошенных, при этом 34% уверены, что партия власти «лучше других может решать городские проблемы», однако лишь 17% «отметили реализацию данной партией каких-либо проектов в столице». Т.е. 6% уверены, что для них будет лучше именно эта партия, но собираются голосовать за другие, а половина из уверенных в пользе партии не могут припомнить примеры этой самой пользы... Кафка, тебе как — завидно?

Можно привести и другие примеры демократической логики при голосовании — причём даже по-своему обоснованной. Не секрет, что при выборах в США Барак Обама победил, в частности, потому, что белое население Штатов цивилизованно мыслило в русле «гм, какой президент лучше?», а вот чёрное — не раздумывая выбирало своего по расе. Очень интересна в связи с этим ситуация: впервые за всю историю Соединённых Штатов белых детей в школах станет меньше половины¹. При этом «многие дети практически не знают английского, а для некоторых родительских собраний приходится нанимать переводчиков», но зато демократия!

Впрочем, и у нас в России голосующие выглядят весьма отлично от «среднего гражданина».

Возрастной срез голосующих имеет резкий перекосяк в сторону увеличения возраста: многие старики ходят на выборы по привычке, «потому что положено», а многие молодые балбесы игнорируют выборы не потому, что считают, что это не поможет и т.д.,

¹ <http://russian.rt.com/article/44973#ixzz3AeSFxdEG>

а просто так — это типа не прикольно.

Также следует упомянуть бюджетников, которых загоняют на выборы с организаций в добровольно-принудительном порядке, причём зачастую — с точным указанием, за кого именно голосовать. А военные — они вообще строем ходят...

Короче говоря, всеобщность демократических выборов как отражение власти большинства — это ещё одна фикция, которую принято не замечать.

Напоследок приведу иллюстративный пример истинно демократического подхода:

«В штате Нью-Мексико есть закон, что если два кандидата на какой-то пост набрали одинаковое число голосов, результат определяется какой-нибудь игрой. Реальный случай применения этого закона был зафиксирован в 1998 году в городке Эстансия. Джеймс Фаррингтон и Джоан Карлсон набрали по 68 голосов. Джеймс захотел выявить победителя в покер, а Джоан предложила бросить кости. Сначала подкинули монетку, которая определила играть в покер, а затем Джеймс победил и стал мэром города».

Вот только не понятно, зачем играть, когда просто можно бросать монетку?

Аз да! Чуть не забыл!

Есть ведь такая форма народного волеизъявления, как референдум. Вот там-то и может народ искренне выразить свою волю — и даже голосовать пойдут многие, так как вопросы-то на референдум выносятся крайне важные.

Что ж — возьмём как пример референдум о сохранении Советского Союза с вопросом: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?». Явка составила 80%, «за» проголосовало более 75% участвовавших. Не знаю, можно считать игнорирование мнения большинства демократическим явлением, но сделали это точно демократы.

5. Охлократия

Говоря в наше время о демократии, зачастую принято указывать, что это-де не «настоящая демократия», а вовсе даже олигархия, охлократия и т.д. Очень напоминает старую притчу: «Мы — цыгане хорошие, лошадей не воруют, лошадей воруют цыгане плохие, мы их не знаем...».

Но ладно, давайте посмотрим, что за этим кроется.

Хотя по сути охлократию как вырождение демократии описал первым Платон, сам термин позже ввёл в обиход Полибий в своей «Всеобщей истории». Он описывал, как изначальное стремление к равенству и свободе при демократии приводит к тому, что толпа постепенно привыкает к подачкам, вследствие чего выбирает себе в вожди демагога поязыкастее, а сама устраняется от управления, вполне удовлетворяясь «хлебом и зрелищами».

Изначально охлократия — это власть толпы, большую часть которой составляет чернь, и потакание её стремлению к уравниловке. Толпа требует от всех «быть, как все», на что указывал Ортега-и-Гассет в своём труде «Восстание масс».

Однако «власть толпы» — это ведь и есть власть большинства, не так ли?

Воистину — демократия есть очень хороший годный способ правления — но только в том случае, если все граждане имеют психологию аристократа (причём по изначальной сути, а не вырожденную в снобизм и проч.). В противном случае демократия неизбежно вырождается в охлократию.

Кто нравится толпе? Вспоминаем «Человеческое, слишком человеческое» великого Фридриха Ницше:

«Легко дать рецепт того, что толпа зовет великим человеком. При всяких условиях нужно доставлять ей то, что ей весьма приятно, или сначала вбить ей в голову, что то или иное было бы приятно, и затем дать ей это. Но ни в коем случае не сразу;

наоборот, следует завоевывать это с величайшим напряжением, или делать вид, что завоевываешь. Толпа должна иметь впечатление, что перед ней могучая и даже непобедимая сила воли; или по крайней мере должно казаться, что такая сила существует. Сильной волей восхищается всякий, потому что ни у кого ее нет, и всякий говорит себе, что, если бы он обладал ею, для нее и для его эгоизма не было бы границ. И если обнаруживается, что такая сильная воля осуществляет что-либо весьма приятное толпе, вместо того чтобы прислушиваться к желаниям своей алчности, то этим еще более восхищаются и с этим поздравляют себя. В остальном такой человек должен иметь все качества толпы: тогда она тем менее будет стыдиться перед ним, и он будет тем более популярен. Итак, пусть он будет насильником, завистником, эксплуататором, интриганом, льстецом, пролазой, спесивцем — смотря по обстоятельствам».

Впрочем, суть даже не в том, что толпе больше понравится демагог-краснобай, который наобещает с три короба, даже не думая что-либо из обещанного выполнять. Всё интереснее: Ксенофонт в «Греческой истории», ещё до Платона, описал на примере действий стратега Алкивиада в Пирее использование толпы как поддержки в политических целях. Там же можно найти показательный пример того, насколько коротка память толпы: Алкивиад спокойно выставлял себя защитником и покровителем Элевсинских мистерий, за профанирование которых он ранее был осуждён.

Толпа не различает «быть» и «казаться», она воспринимает лишь второе, причём во временном аспекте «прямо сейчас». Толпа не помнит прошлого и не смотрит в будущее, всё её существование — это спонтанное реагирование на «сейчас», усиленное эмоциональным заражением масс.

Впрочем, спонтанное ли? На самом деле, как показал ещё Ксенофонт на приведённом

примере, толпой можно манипулировать. Толпа может думать, что избирает что-либо именно она — но реально она лишь исполняет то, что назначено к исполнению манипуляторами. Охлократия de facto — это не «власть черни», а власть тех, кто управляет чернью, противопоставляя стремление к уравниловке и деградации маргиналов прогрессу во всех областях.

С развитием средств массовой информации влияние стало гораздо проще. Массовость информации позволяет манипулировать толпой в XXI веке уже не напрямую внушением лозунгов, а косвенно — через суггестию, т.е. психическое воздействие, направленное на восприятие субъектом неких положений и т.п. пассивно и без критической оценки (здесь порекомендую свою работу «Эссе о предательстве, суггестии, ученых, Родине, любви и близости к природе»², где на примере фильма «Аватар» объясняется в том числе и явление суггестии). Более того, распространение нужных мемов в современном информационном мире — процесс сетевой и требующий минимальных затрат для поддержки. Ещё в 1970-х Б. Коэн Б. указал на то, что «пресса не может заставить людей думать определенным образом, но может указать своим читателям, о чем думать», а уж сейчас-то...

При этом толпой манипулируют по старым заветам Геббельса и Гитлера: чем больше враньё — тем скорее поверят, и обращаться нужно к эмоциям, а не к разуму. Помните, как демократы уничтожали СССР, по сути призывая желудки голосовать на 100500 сортов колбасы (умалчивая об инновационном составе этих сортов)? Как потом выбирали Ельцина под лозунгом «выбирайте сердцем» — ну не мозгами же!

Рецепт простой и известен любому психологу. Чтобы воздействие СМИ было успешным, необходимо:

- совпадение формы внушаемого с чаяниями толпы;
- содержание внушаемого должно коррелировать с нормами группы, которая является целью суггестии;
- источник информации должен обладать авторитетом у толпы (причём не обязательно в той области, про которую вещает);
- для интеллигентов важны формально логические доводы, подкрепляющие посыл (при этом они могут быть ложными, системно противоречивыми действительности и т.д.);
- ну и то, на что указывал ещё Адольф Алоизович: посыл должен быть кратким и много-много раз повторяться.

Современная охлократия обладает такими системными чертами, как демагогия, авантюризм и популизм. Воззвать к толпе, повести её куда-то на благо манипуляторов (и, вероятнее всего, во вред самой толпе) — вот и вся суть политики.

При этом, как нетрудно догадаться, раз политики в такой системе являются не управленцами, а демагогами, то роль играют не личностные качества, а бюджет выборов: у кого больше средств на раскрутку, тот и получит больше «лайков» от толпы.

Современная охлократия и олигархия — это одно и то же.

² <http://warrax.net/93/avatar/00.html>

Демократия без сдерживающих «тоталитарных» механизмов неизбежно вырождается в охлократию и приводит к олигархии.

Наглядной иллюстрацией охло-олиго-кратии являются так называемые «цветные революции» — т.е. искусственно, внешними силами создаваемые ситуации, когда толпа в какой-либо стране становится средством для реализации политических притязаний манипулятора. На этом примере особенно наглядно видно, что интересами самой толпы здесь и не пахнет. Взять ту же Украину сейчас — ведь были и те, кто на майдане честно скакал «против олигархов», ну и до чего допрыгались?

Толпа не просто рада обманываться, она вообще не может думать, живёт эмоциями. Это не обязательно должна быть какие-либо «ганьба» или «доколе!», результат может получиться исходя и из весьма положительных эмоций, «по приколу».

Пример: в 2010 году выборы в городской совет Рейкьявика выиграл комик Йон Гнарр, который основал специально для этого «Самую лучшую партию»:

«Я сформировал свою партию, и это при полном отсутствии какой-либо идеологии. Вначале у меня было равным счетом две идеи. Первая — назвать партию “Лучшей”, и она была бы призвана стать лучше всех остальных партий. Второй задумкой было назвать партию “Крутой”, ну, типа, cool, и она была бы круче всех остальных. Cool станет нашим стилем, мы создадим особый комитет, который будет решать, что круто, а что — нет, и только на основании его рекомендаций мы и должны действовать».

Партия позиционировалась как «открыто коррумпированная» и обещала не выполнять своих предвыборных обещаний. Может, за честность и избрали?

Однако всё это очень напоминает высказывание Войновича о том, что в жизни реализуются самые абсурдные идеи (это был ответ на вопрос: «А как вы смогли додуматься о союзе коммунистов и православного духовенства в “Москве-2042”?»).

Post scriptum. Если не видели — то очень рекомендую посмотреть фильм «Идиократия» (Idiocracy, 2006). Там сюжет развивается через 500 лет, но при сохранении имеющихся тенденций можно уложиться и до конца столетия.

6. Партии

Современную демократию нельзя представить без партий.

Впервые они возникли на ипподроме в Древнем Риме — сначала группы «спортивных фанатов», болевших за группы в гонках на колесницах, а затем постепенно перешли на политический уровень, добравшись до самого верха. В результате в Риме иногда насчитывалось по факту сразу несколько цезарей, да и вообще имперская незыблемость начала ощутимо шататься. Конечно, нельзя сводить причины краха Римской Империи к одному фактору, но к отходу от имперского единства приложила руку и многопартийная система.

Теоретически при демократии партии должны выражать чаяния неких социальных групп и бороться за их права (что, следует заметить, таким путём возможно лишь в ущерб другим — т.е. происходит разделение нации). Однако при современной демократии либерального типа различные партии друг от друга отличаются не принципиально, они не

выражают политические интересы каких-либо социальных страт, а являются инструментом для выяснения отношений между группами «верхушки» (извините, называть «элитой» клавиатура не поднимается). В случае же малейшего отклонения от мейнстрима соответствующую партию немедленно убирают с политического поля — из всех известных случаев в РФ можно вспомнить «Родину». Ещё более отходящие от принятого либерального курса партии просто не регистрируют, формально придираясь к оформлению документов, которые бывают скопированы один-в-один у уже зарегистрированных партий.

Обратите внимание: такая ситуация подразумевает не только предвзятость регистраторов, но и то, что при регистрации партия вовсе не должна предоставлять какую-либо уникальную программу, достаточно стандартного «за всё хорошее против всего плохого». И если нет разницы, то кого выбирать?

С этой точки зрения показательна приснопамятная «Единая Россия», которая является просто «партией власти» без какой-либо специфической программы. Когда надо — либеральна (это, впрочем, в настоящее время «надо» всегда), когда требуется — то консервативна и даже показательно патриотична (то, что либерализм и патриотизм несовместимы — игнорируется в лучших традициях Оруэлла). Когда-то был антисоветский анекдот: «— Может ли змея сломать хребет? — Может, если поползёт по генеральной линии партии!». Но советская КПСС выглядит так, как будто лом проглотила,

по сравнению с манёврами «Единой России». Чего стоит одно лишь имевшее место зачисление в «любимые руководители» партии того, кто в ней не состоит.

Политическую программу большинства современных партий можно сформулировать очень просто: тактическая политическая эффективность для себя-любимых против каких-либо постоянных принципов. Классический пример — ручкание, переходящее в лобызание, КПСС с РПЦ. Коммунисты, которые строили СССР, такого сюрреализма явно не предполагали. Помните у Войновича? «Но мы поклоняемся ему, завертелся и стукнул ногой отец Звездоний, — не как какому-то там сыну Божьему, а как первому коммунисту...». Только в действительности приспособление пошло с другой стороны — и, честно говоря, партию Зюганова я коммунистической считать никак не могу.

Для современной партии важна не эксклюзивная трактовка социальных и политических универсалий, а эдакое прагматичненькое использование сиюминутных массовых ожиданий «на злобу дня» — ссылок на какие-либо относительно научные

идеологические концепции вы от них не дождёте. Помесь флюгера с рупором....

Особенно это наглядно на примере крупных партий: им требуется не позиционирование на политическом поле, а сохранение и увеличение своей части электората любыми способами. Понятно, что какое-либо идеологическое позиционирование тем самым ограничивает возможность электорального охвата, вот и получается по классике: «Разрешите представиться, полковник Мойша Чингачгук!».

Однако, возразят многие, партийная борьба — это демократично!

Конечно. Весьма, сугубо, вельми демократично. Но, думаю, к этой главе работы читатель уже должен понять, что если где есть «демократичность», то ни к чему хорошему это не приводит.

Многopартийность — понятие относительное. В большинстве стран существует множество мелких партий, но у власти всегда находятся две, либо, максимум, три (обычно в случае, когда аграрный сектор очень важен для страны и аграрии имеют своё чёткое лобби). И здесь можно услышать привычные мантры о благодати конкуренции.

Но давайте подумаем: а что представляют собой на практике эти две-три партии? Это — вдвое-втрое больше партийных функционеров, которые жаждут работы во властных структурах. И по сути действуют именно в этом направлении, являясь освобождёнными от трудовой деятельности политиками, начиная с определённого уровня, которые живут (часто весьма неплохо) за счёт избирателей. Речь идёт не только о членских взносах, но и об бюджетных средствах, которые идут через партийные кассы (конечно, речь о правящих партиях) и частных отношениях с бизнесом — отнюдь не на пользу народу, и т.д.

А для того, чтобы иллюзия демократии была наглядной для интеллектуального большинства, партии у власти изображают борьбу нанайских мальчиков (опять же, за счёт избирателей) и время от времени меняются местами. При этом общепринята практика вида «если президент от партии №1, то премьер (или какой-либо другое второе-третье лицо в государстве) — от партии №2». Мол, у нас всё по-честному! Однако задумайтесь на секунду: а как будет функционировать такое государство, если на самом верху имеются явно противоположные интересы? Например, пусть президентом каким-либо невероятным образом стал патриот-государственник, но глава правительства при нём — прожжённый либерал-западник, который будет попросту класть под сукно все полезные патриотические инициативы. А взять такого саботажника, снять с должности и судить — это не демократично: имеет право, если напрямую не нарушает закон (а не сам же лично он всё делает, при этом имеет мощную поддержку от либералов-антигосударственников, включая зарубежных).

Таким образом, демократическая многopартийность неизбежно вырождается в говорильню вместо дел. При этом, что показательно, в своё время внутрипартийные дискуссии в той же ВКП(б) были куда острее, чем между партиями сейчас. Дело-то не в количестве партий, а возможности обсуждать разные точки зрения.

Однако есть существенный нюанс: да, догматизироваться нельзя, но при этом неприемлемость догм не означает всеобщего плюрализма головного ганглия (мозгом это уже не назвать) — мол, все мнения одинаково важны и нужны. Вот давайте подумаем:

несколько партий с одинаковыми программами очевидно не нужны, но пусть у них будут разные программы — и тогда будет щасте, благорастворение воздухов и Священная Конкуренция, в благости которой сомневаться нельзя, ибо ересь.

Но отключим либерализм в мозгах и включим логику. Среди нескольких программ всегда будет одна более лучшая для страны и народа — её-то тогда и надо развивать, а остальные — лишь посмотреть на предмет отдельных умных мыслей (а вдруг?). Не, правда, зачем призывать реализовать заведомо худшие программы?!

И вот здесь имеем очередную демократическую хитрость: поскольку целью партии ставят не благополучие страны и народа, а свою ротацию во власти с напускным флёром заботы о народонаселении, все программы намеренно составляются так, чтобы в них присутствовали некоторые положительные элементы, которые взвешенно компенсируются сугубо отрицательными. И получается, что стоит не выбор «какая программа лучше», а «все хуже».

Наглядно это иллюстрируется примером на «левых/правых»:

- вы можете быть левым, ратовать за социальное государство и т.д., но при этом всенепременно должны выступать за «права меньшинств» (причём если сначала речь шла об «обездоленных», сидящих на велфере и т.п., то сейчас речь идёт уже о поддержке феменисток, ЛГБТ, позиции против права на самооборону и т.д.);
- вы можете быть «правым», ратовать на национальное государство и т.п., но при этом в обязательном порядке требовать «свободного рынка» и либерализации государства.

Как пример последнего — самая известная в Европе национальная партия «Front National» Ле Пена. Партия стоит на позиции прекращения иммиграции из неевропейских стран, сохранения французской культуры, протекционистской политики по отношению к французским производителям, независимости страны от международных организаций... но при этом — и за радикальное ограничение вмешательства государства во внутреннюю экономическую жизнь страны и максимальную свободу предпринимательства. Простите, но бизнес без ограничений со стороны государства неизбежно укрупняется и выходит на глобалистский уровень, игнорируя и напрямую противостоя интересам государств. Этого нельзя не понимать — но всегда игнорируется.

Таким образом, при современной демократии можно выступать за национальные и социальные ценности, но только по отдельности и «с нагрузкой». Одновременно за национальное и социальное выступать нельзя — это же Гитлер! © Впрочем, за социалистическое без «демократических прав меньшинств» выступать тоже нельзя — это же Сталин, который, как известно всей рукопожатой публике, ещё хуже Гитлера.

Всё вышесказанное можно пояснить ещё проще, на обывательском уровне. Вот давайте остенсивно, на примере: ведь понятно же, что семья, трудовой коллектив, да вообще любая группа, имеющая общие цели, должна иметь общую программу действий? Демократический плюрализм мнений вырождает всё в говорильню и замену дела на межгрупповые интриги. Это и является целью либерализма/демократии: превратить коллектив социума в атомарное общество эффективных потребителей и послушных избирателей.

Ещё нагляднее — военное дело. Да, там есть правильные традиции вида «на совещании выслушивать сначала самого младшего, чтобы на него не давил авторитет старших» — но затем за «плюрализм мнений» можно и под трибунал попасть. От ошибок это не гарантирует, но как вы представляете действия армии, когда офицеры во время войны сбиваются в «партии», включая те, которые считают целесообразным сдаться?

На подобный аргументы обычно отвечают — мол, то война, а у нас-то мирное время!

Это, извините за прямоту, — вражеская разлагающая пропаганда. К сожалению, сейчас не принято вспоминать термин «холодная война», а ведь она была «холодной» благодаря мощи СССР, сейчас же Запад местами уже использует и «горячие» варианты — смотрим на ту же Украину. Исторический факт: Запад *всегда* выступал против русских, и будет это делать, так как наши цивилизационные системы несовместимы³, и цель либералов — заставить русских перестать быть русскими — см. по теме мою статью «Русофобия»⁴:

«Чтобы западная русофобия прекратилась, Россия должна либо исчезнуть (например, развалившись на мелкие “княжества”), либо обрести западное мышление. Впрочем, во втором варианте все равно будет реализован первый, и наоборот, просто очередность поменяется. Сильная единая Россия никому на Западе не нужна».

Думаю, ни для кого не секрет, что сама идея многопартийности пришла к нам с Запада?

Ну и закончить эту тему имеет смысл ещё одним анекдотом времён КПСС:

— Нужна ли нам многопартийность?

— Нет, потому что больше одной партии наш народ не прокормит.

Анекдот — тех времён, когда КПСС уже выродилась в номенклатуру. И он очень хорошо отражает действительность: если партия не имеет идеологии, направленной на благо народа, и не продвигает её, то она именно что кормится за счёт народа. И если таких партий много — то все они делают именно это.

7. Прямые выборы

Хитрость и наивность адептов демократии зачастую идут бок о бок. Попытки изобрести «самую честную систему голосования» мы уже обсуждали; прямые выборы — явление того же порядка. Есть в современном мире тенденция мыслить весьма специфически — умно, но не разумно. Я некогда назвал это явление «синдромом программистского мышления», но знакомые программисты хором возмутились и предложили термин «синдром математического мышления» — знакомых математиков не было. Этот междусобойчик, кстати говоря, иллюстрирует, как работает демократия: было неявное голосование за «чтобы не обидно», и при этом суть явления была вторична.

Поясню, в чём она заключается: создаётся некая идеальная модель и при этом заявляется адекватной действительности, несмотря на то, что не учитывается ряд

³ <http://politruussia.com/politkasha/russkie-kak-tsvivilizatsionnyy-proekt-762/>

⁴ <http://warrax.net/89/10/rusophobia.html>

системно важных параметров и связей. Т.е. принцип обработки информации аналогичен работе программиста: есть данные, есть модель, надо написать программу, которая будет это считать. Тут можно спорить, входит ли в обязанности программиста проверка модели на адекватность — с моей т.з., это уже работа системного аналитика, а не программирование per se (конечно, обе функции могут выполняться одним индивидом). В итоге появляется красивая, даже численно обчислимая модель, которая далека от действительности как интеллигенция от народа. Опять же, пример интеллигенции тут в тему: в своё время народовольцы составили идеальную модель освобождения народа, но как только шла агитация «против царя», крестьяне хватили борцов за их свободу и тащили в ближайший околоток. Другой пример: коммунисты-идеалисты, основываясь на вере в материализм вида «бытие определяет сознание» провозглашали создание «новой общности — советского человека», не делая различия между комплементарными и некомплементарными этносами — результат мы познаём на практике прямо сейчас.

Вот, например, из Википедии (извиняюсь за её цитирование, но для наглядности «что думают массы» самое то):

«Прямые выборы — избирательная система, при которой избиратели прямо и непосредственно избирают депутатов в представительные органы власти. В отличие от косвенных многостепенных выборов, прямые выборы — наиболее демократический способ формирования представительских учреждений, эффективно выражающий волю избирателей и дающий возможность осуществлять право отзыва депутатов, не оправдавших их доверия».

Интересно, откуда тут взялось про отзыв депутатов? Если их позволено отзывать — то можно согласно любой процедуре, что будет в законе. Но не суть — главное в том, что прямые выборы никак не отменяют всех тех

особенностей выборов, которые уже обсуждались — от систем выборов и до влияния на электорат «в нужную сторону». Ну, может, несколько увеличится явка, если никуда не нужно будет идти, а прямо с домашнего компа — но при этом осуществить контроль процедуры подсчёта голосов на сервере всё равно, скажем так, несколько затруднительно.

Так, для информации: Pew Center on the States провёл исследование⁵ электората в США. В результате «24 миллиона избирателей в США, то есть каждый восьмой, зарегистрированы с нарушениями», «как избиратели зарегистрированы и временами

⁵ <http://www.politonline.ru/comments/16553.html>

голосуют 1,8 миллиона покойников» (один умудрился посмертно сходить на выборы и отдать голос аж 14 раз), а «2,75 миллиона зарегистрированы более чем в одном штате и могут ездить между ними», при этом «51 миллион “имеющих право голоса граждан США” не зарегистрированы». И что, больше станет демократии, если перейти на электронную систему? Так даже пачки вбросов бюллетеней видны не будут, всё виртуально.

Но идеалисты, оторванные от жизни, вещают:

«Прямая электронная демократия — непрерывно происходящий всенародный референдум касательно всех вопросов жизни страны. Вопросы, касающиеся жителей конкретного города, решаются только этими жителями. Вопросы, касающиеся жизни страны, решаются всем народом на общем “электронном вече”. ... Когда это произойдёт, народные Ассамблеи, группы, которые взвалили на себя организацию протестов и так далее, должны будут заявить о себе как об органе контр-власти. ... народ с неизбежностью пойдёт именно за ними по одной простой причине. Он чувствует (и видит на практике), что здесь он — хозяин, а в традиционном государстве он — никем был и никем останется».

Узнаёте риторику популизма «против власти»? Уже видно, откуда уши торчат. Некоторые даже предлагают использовать механизм наподобие криптовалют — мол, невозможно подделать, всё анонимно и без центральных серверов, счётных комиссий и прочего.

Но не будем закапываться в технические детали осуществления «идеальной прямой демократии», а посмотрим системно — на суть того, «что будет». Предположим, что всё идеально: все голосуют, исходя из своих соображений, без какого-либо влияния пропаганды, всё подсчитывается абсолютно честно и т.д. А затем — выберемся из сферического вакуума в действительность.

Если дать такую возможность волеизъявления народу, то «бешеный принтер» станет образцом трезвого и вдумчивого законодательства. Народ — он «за всё хорошее против всего плохого», знаете ли. И на уровне толпы нет рационального мышления — в принципе.

Всё просто: *чтобы принимать осознанные решения, надо разбираться в теме.* Системно понимать проблемы и принимать по ним решения могут, так сказать, специально обученные люди. Даже на уровне небольшой деревни — вопрос «как нам посеять озимые» должен решать агроном или же ветврач и заведующий клубом?

Понятно, что «специально обученные люди» могут и не обладать достаточной квалификацией для эффективного решения проблемы. Более того — могут не хотеть решать проблему. Но вот метод «собрались всем колхозом и демократично решили» не будет эффективным *никогда*.

Помнится, ещё в 1917-м году В.И. Ленин в статье «Удержат ли большевики государственную власть?» писал: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только

богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, то есть к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту».

Даже при диктатуре пролетариата было понимание необходимости обучения для государственного управления, а нам спустя столетие вещают о «прямой демократии».

К чему приведёт такое на практике? Желаящие могут ознакомиться с т.н. моделью медианного избирателя самостоятельно, я просто приведу вполне очевидный вывод (помните Ортегу-и-Гассета?): в таком разе будет осуществлена именно что охлократия как власть толпы, серости. Народ «в массе», возможно, не допустит каких-либо слишком больших отклонений «в плохое», но точно также не допустит и развития «до хорошего» — просто как следствие неспособности к системному мышлению. Т.е. решения будут приниматься «сиюминутные», при этом основываться зачастую будут на потребительских стремлениях: 100500 сортов соевой колбасы вместо ракет. Не было бы, к примеру, индустриализации — крестьяне составляли подавляющее большинство, а их куркульский менталитет привёл даже к т.н. «голодомору» — это уже напрямую «лишь бы кому другому не досталось, себе хуже сделаю», какое тут голосование за индустриализацию? Да и в современной России — что, большинство понимает необходимость развития фундаментальной науки и даже переоснащения армии? А вот за увеличение зарплат в несколько раз «просто так», за материнский капитал наличными сразу на руки или там «за пивопровод в каждый дом» — ещё как проголосуют.

Обобщая: прямая демократия будет иметь ровно те же недостатки, что и обычные способы голосования, но если её «ввести в моду» — то именно что «каждая кухарка будет управлять государством». Кто-то некогда хорошо сформулировал: демократия — это когда предполагается, что сумма нулей не равна нулю.

Важно: я здесь вовсе не пафосно наезжаю на «тупое быдло». М. Нордау, «В поисках за истиной»:

«Соедините 20 или 30 Гете, Кантов, Гельмгольцев, Ньютонов etc., и дайте им на обсуждение практические, современные вопросы; их споры, пожалуй, будут отличны от тех споров, которые ведутся на первых попавшихся собраниях (хотя я не утверждаю даже и этого), но что касается результатов этих споров, то я уверен, что они не будут отличаться от результатов, даваемых всяким другим собранием. Почему же? Потому, что каждое из 20 или 30 выбранных лиц, кроме личной оригинальности, отличающей его от других, обладает и наследственными, видовыми признаками, не отличающими его не только от его соседа по собранию, но даже и от всех снующих на улице прохожих. Можно сказать, что все люди в нормальном состоянии обладают известными признаками, являющимися общими для всех, равными, положим, x , это количество увеличивается в вышеозначенных индивидах на другую величину, различную у различных индивидов, которая поэтому должна быть для каждого из них названа иначе, например, a , b , c , d и пр. Предположив это, мы получим, что в собрании из 20 человек, хотя бы самых высоких гениев, будет $20x$ и только $1a$, $1b$, $1c$ и т.д. Ясно, что $20x$ неизбежно победят отдельные a , b , c , т.е., что человеческая сущность победит личную индивидуальность, и что колпак рабочего

совершенно покрывает собою шляпу медика и философа».

Senatores boni viri, senatus autem mala bestia — не вчера ведь сказано, не так ли? А тут всё же специально подобранные сенаторы, а не вообще все подряд.

При этом есть вопросы, которые просто нельзя поручать решать «всем оптом». Прямо сейчас остро актуален вопрос Новороссии — и какая часть населения сражается против фашистов? Как думаете, в случае прямого демократического всеобщего голосования не выбрало бы большинство «мир любой ценой, а моя хата с краю, авось пронесёт»? А потом бы приспособливались, прыгая, к западенской оккупационной администрации, и утешали бы себя «могло бы быть ещё хуже» (это на бытовом уровне и «сразу потом» — на государственном и впоследствии всё ещё хуже).

Нельзя прекраснодушно, интеллигентски и эльфийски игнорировать тот факт, что большинству вообще не интересна политика, особенно в ракурсе развития страны, общества и т.д. — короче, всего, что отличается от «мне лично благ прям ща». Люди в большинстве не разбираются в вопросах управления государством не потому, что тупые — просто их не интересует то, что выходит за рамки принципа «своя рубашка ближе к телу».

Наглядная иллюстрация «как оно работает на практике»: шахтёры в СССР получали бешеные для большинства населения деньги, но бастовали за приватизацию шахт. Затем они не получали денег вообще — и некоторые из них возмущённо и без какой-либо пользы стучали касками. Народ требовал отставки коммунистов, предъявляя претензии к чёрным «Волгам» и государственным дачам — а через несколько лет молчал в тряпочку, когда «прихватизировали» всю страну.

Прямая демократия? Нет уж, извините. Я не заявляю о её невозможности — это очень эффективный способ управления, но лишь при соблюдении двух условий: во-первых, избиратели хорошо знают друг друга, и во-вторых — решают только простые вопросы, локально касающиеся внутренних дел строго этого самого коллектива. Скажем, группа студентов решает, что закупать на окончание сессии — вино или пиво (постановили: «и водку тоже»). Но не более того.

Однако, как ни странно, основная либеральная претензия к прямой демократии — это «игнорирования прав меньшинств» — об этом в следующей главе.

8. Меньшинства

Помните, с чего мы начинали исследование? С того, что демократия — это власть большинства, что оказалось не совсем так, начиная с древних Афин. Однако в современности всё ещё чудесатее: если изначально речь шла всё же о большинстве избирателей, просто избирательными правами обладали не все, то в современности либеральная мысль дошла до концепции «демократия — это права меньшинств». Пример: прошлогодняя статья⁶ в известном британском журнале «The Economist», где

⁶ <http://www.economist.com/news/leaders/21579850-note-turkeys-prime-minister-among-others-winning-elections-not-enough-zombie-democracy>

власть большинства названа «зомби-демократией». Это, мол, неправильная демократия: «Majoritarianism — the credo of an expanding group of elected but autocratic rulers around the world, which holds that electoral might always makes you right — is not true democracy», а правильная демократия — это власть коалиции меньшинств.

Впрочем, в России это не новость: ещё несколько лет назад известный правозащитник (а в советские времена — диссидент) С.А. Ковалёв заявил⁷: «Демократия — это не власть большинства. Демократия — это прежде всего права меньшинств. ... Я никогда не вру!». Для иллюстрации «кто такое говорит» процитирую⁸ другое его высказывание: «Я — антипатриот. Я очень не люблю того, что называют патриотизмом, и считаю это общественно вредной идеей».

Ещё пример — некий «Проект Демократия»⁹ из Хайфы: «Концепция подлинной демократии проистекает из представления о том, что государство существует для блага людей, которые в нем живут, а не наоборот. С этой точки зрения ценностная основа демократического режима связана с реализацией ценностей

прав человека... При сущностном подходе к демократии защита прав человека становится центральным её элементом. С точки зрения такого подхода, противоречия между защитой прав и волей большинства — это естественное и неотъемлемое отражение двух жизненно важных основ демократии. Основополагающий принцип подлинной демократии — защита прав меньшинств от тирании большинства».

Обратите внимание, как ненавязчиво констатация противоречия между волей большинства и защитой прав меньшинств превращается в «защиту от тирании большинства».

Ещё примеры передёргиваний:

«— Кто согласен с тем, что демократия — это власть большинства?»

Стайка первокурсников уверенно поднимает руки.

— Тогда нам придётся признать, что Северная Корея раз в пять демократичнее Японии, поскольку в Северной Корее правительство поддерживают 100% населения, а в Японии рейтинг кабинета болтается у 20%».

В этом случае, если рассуждать формально, то далеко не факт, что все в Северной

⁷ http://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=ykjtIQaxeul

⁸ <http://www.newizv.ru/politics/2005-10-31/34462-sergej-kovalev.html>

⁹ <http://democracy-project.org.il/ru/welcome/>

Корею голосовали «за» добровольно — т.е. это уже нельзя назвать демократией. С другой стороны, а на каком основании косвенно заявляется, что-де они голосуют не добровольно? Либерал не может себе представить, как можно голосовать за нелиберальные ценности — это не демократично? Ну-ну.

А, главное, при этом совершенно спокойно пропускается без критики тезис «в Японии правят те, кого поддерживает лишь 20% населения, и это — демократия». Стоило бы, наоборот, подумать, как может быть легитимным правительство, которое не желает поддержать 80% населения страны.

«В странах с развитой парламентской демократией даже победившая партия зачастую не может набрать абсолютного большинства голосов и единолично сформировать правительство. Приходится вступать в коалиции с теми, кто набрал ещё меньше голосов. Таким образом, правительство контролируется... абсолютными меньшинствами».

Тоже интересная сентенция — мол, при *развитой демократии* во власти состоят чисто блоки политиканов, не пользующиеся поддержкой большинства населения, *и это нормально*.

Заканчивается это интервью ЛГБТ-активиста М. Крылова на «Эхе Москвы» тезисом: «Чем больше меньшинств — разных, противоречивых, тем сложнее стать диктатором. Тем более развитым становится гражданское общество».

Всем понятна цель «развития» «гражданского общества»?

Давайте подумаем на очень простую тему: рассмотрим действия «меньшинств» безотносительно их конкретных характеристик, в общем виде. Предположим, что они хотят продвинуть что-либо, что обществу в целом пойдёт на пользу — вот такая им мысль в голову пришла. Ну так кто же будет против? Обратите внимание: в этом случае безразлично, предлагает идею меньшинство или кто ещё.

То же самое будет и в случае предложения нейтрально воспринимаемой идеи, но с одним нюансом: они хотят реализовать то, что интересно именно им, за общественный счёт.

Однако либеральная трактовка идёт ещё дальше: большинство должно согласиться финансировать то, что ему откровенно не нравится (и даже — обоснованно вредно), за свой счёт, если это захотелось какому-либо меньшинству. Знаете, это именно та ситуация, когда даже в богатейшем русском языке нет слов — по крайней мере, цензурных. Впрочем, можно позаимствовать из иврита: хуцпа.

Пример этой самой хуцпы: проект новой Конституции России от «Высшей школы экономики»¹⁰:

«Принципы российской государственности.

Ст. 2: Политика государства строится на принципе “Меньший имеет преимущество”...».

Собственно говоря, такая политика — это постмодернистское вырождение смыслов, расширение границ нормы до абсурда: мол, нельзя абсолютно точно указать для любого случая, что является здоровьем, а что — болезнью, поэтому болезнь следует рассматривать как вариант здоровья.

¹⁰ <http://www.liberal.ru/articles/5619>

Нет уж, толерантность, к которой призывают либералы, — должна рассматриваться именно как *терпимость*: «можно переносить некоторое время, если объект не зарывается», а вовсе не как «уважение и принятие других культур, способов самовыражения и проявления человеческой индивидуальности [какими бы они не были]». Помните про «окно Овертона»¹¹?

Термин «толерантность», кстати говоря, в иммунологии означает утрату или ослабление способности организма к иммунному ответу. К чему это приводит — понятно. Аналогия полная.

Современная демократия — это диктатура меньшинств: финансовые меньшинства делят власть, а «культурные» меньшинства навязывают свои нормы поведения. Оба вида действуют на одно и то же: переработку государств и наций в гомогенный гумус «эффективных потребителей» атомарного общества.

9. Цивилизованная демократия

Пришло время посмотреть на цивилизованную демократию — уже не с точки зрения выборных систем, а на саму по себе. Пожалуй, это будет самая банальная часть статьи, но — необходимая для цельности картины. Итак, из одного современного словаря:

«Демократия цивилизованная — система взаимосвязанных, тщательно продуманных и строго соблюдаемых процедурных норм (законов, указов, статусов, регламентов, распоряжков, этических правил), обеспечивающая правовую защиту волеизъявления личности, демократизацию политической жизни общества».

Знакомо, не так ли? Европа и США уже долго и безостановочно вещают о главенстве закона, свободу личности, правах человека и т.д. Но давайте присмотримся.

Законы нужны, никто не спорит. Но сами подумайте — а чем занимаются Демократические Парламенты? Не зря в РФ появилось определение «бешеный ксерокс», но ровно то же самое происходит в любой цивилизованной стране: сенаторы круглогодично, лишь с перерывом на каникулы, изобретают и принимают законы. Не, в самом деле — разве по отношению к законам верен тезис «чем больше, тем лучше»?!

¹¹ <http://warrax.net/00/windows.html>

На самом деле такой конвейер преследует две цели: во-первых, лоббирование интересов сенаторских спонсоров, а во-вторых — внушение народным массам «у нас всё по закону!». И это для русских справедливость выше закона, а на Западе уже давно что законно, то и справедливо. Самый наглядный пример — законы о копирайте, которые всё расширяют охват как «в ширину», так и в глубину времён. «Право читать»¹² Столлмана становится реальностью.

Закон, понятно, очень коррелирует с таким понятием, как «права человека».

Сколько у нас жалоб на российскую полицию? Но почитайте о том, как действует полиция США из первых рук¹³ (советую прочесть целиком): «...все действия человека с улицы будут интерпретироваться как сопротивление (“законным”) действиям полиции. Все действия полиции, включая убийство будут интерпретироваться как ненаказуемые в принципе. Так работает система в США. ...эмигранту это сильно заметно — сегодняшний российский стиль, когда люди спорят с ментами, менты хватают их за руки, а те вырываются — АБ-СО-ЛЮТ-НО невозможен в США... Население в США (шире — на Западе) знает уровень жестокости власти и потому гораздо более дрессировано подчиняется».

С другой стороны, принимаются весьма демократичные законы о защите преступников — так, в 2011 году в Великобритании запретили¹⁴ использование армированного стекла по причине того, что вор, разбивая такой окно, может пораниться. При этом в той же Англии очень легко попасть под суд за самооборону, даже если преступник ворвался в дом. И подобных примеров «закон против законопослушных граждан, но за преступника» — множество. Кстати, в США тюремная система демократично приватизирована¹⁵.

Можно вспомнить и такое достижение демократии, как указ Ф. Рузвельта №9066 от 19 февраля 1942 года, согласно которому 120 тысяч американцев японского происхождения были переселены в специальные лагеря, откуда вышли только в декабре 1944 года. А 6 августа 1945 года по приказу Г. Трумэна поставлен рекорд по массовости одновременного уничтожения людей — атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки. Оба президента — от Демократической партии США. Следует вспомнить и то, что произошло со Слободаном Милошевичем, Саддамом Хусейном, Муаммаром аль-Каддафи... Все они хотели освободить свои страны от зависимости от демократии США.

«— Папа, а что такое легитимная демократия?

— Это такое государственное устройство, которое устраивает США».

Актуальный пример: Порошенко на Украине. Весьма демократично, США не в претензии.

Демократия для США — это оружие массового поражения. Медленное, но неотвратимое: если в некоей стране появилась демократия, то она попадает от зависимость от глобалистов. Задача демократии в этом плане — вовсе не защита «прав

¹² <http://linux.yaroslavl.ru/docs/altlinux/doc-gnu/right-to-head/right-to-head.html>

¹³ <http://emdrone.livejournal.com/215022.html>

¹⁴ <http://www.dailymail.co.uk/news/article-1356388/Villagers-outraged-police-order-protect-garden-sheds.html>

¹⁵ http://telegrafua.com/photos/bank_11455_59919.jpg

человека» и т.д., а внедрение законодательного догмата об обязательности смены власти. Каким бы успешным не был президент, какую бы пользу он не приносил стране и наряду — его надо сменить. Потому что иное — это не демократично. А уж сменить на того, кто больше устраивает, вплоть до полной компрадорской марионетки, — дело техники (про выборы мы уже всё подробно обговорили). Зачем завоёвывать страну, если можно ей управлять?

В прошлом году была написана, а в этом — переведена и на русский язык книга американского историка Уильяма Блума: «Смертоносный экспорт Америки — демократия. Правда о внешней политике США и многом другом» (М.: Кучково поле, 2014. — 272 С.). Цитата: «демократия по-американски в других государствах становится властью интересов Вашингтона над народом этой страны». Поэтому за время, прошедшее с окончания Второй мировой войны, США:

- более 50-ти раз пытались свергнуть иностранные правительства (большинство из которых — демократически избранные);
- вмешивались в выборы как минимум в 30-ти странах;
- предприняли более 50-ти покушений на лидеров государств;
- бомбили гражданское население более чем 30-ти стран;
- пытались подавить национально-освободительные движения в 20-ти странах.

При этом, как нетрудно догадаться, вмешательство во внутренние дела других государств происходило под предлогом установления демократии — классическое «причинение добра». Что ещё более ожидаемо, в результате в этих странах экономика приходила в упадок и становилась откровенно зависимой от разносчиков демократии. И, понятно, такое вмешательство происходило лишь тогда, когда оно было экономически выгодно. А если нет — то кого волнуют эти самые права человека? Уже набивший оскомину, но показательный пример — местные разборки тутси и хуту в Руанде (1994 г). То ли полмиллиона человек, то ли миллион за сто дней отгеноцидили ударными темпами — а демократам безразлично: мол, кто этих негров считает? Зато, как некто метко подметил — если в Антарктиде найдут нефть, то пингвинам придётся туго...

Кстати говоря, мир потихоньку начинает это всё понимать: 30 декабря 2013 года WIN/Gallup провели опрос¹⁶ в 68 странах мира, который показал, что, по мнению 24% респондентов, именно США представляют наибольшую угрозу миру на планете (трёхкратный отрыв от второго места).

В своей книге Блум доказывает, что «продвижение демократии» — это лишь подлог, сутью которого является лоббирование интересов американского (уточню: финансового глобалистского) капитала. Страны должны быть демократичными, а не отстаивать свои национальные интересы!

В этом плане весьма иллюстративно исследование¹⁷ Orbis C (Цюрих). В работе Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. «The network of global corporate control»¹⁸ показано, что

¹⁶ <http://ru.fbii.org/analytics/1259.html>

¹⁷ http://www.newscientist.com/article/mg21228354.500-revealed--the-capitalist-network-that-runs-the-world.html#.VAj8_ZJxyVM

¹⁸ http://arxiv.org/PS_cache/arxiv/pdf/1107/1107.5728v1.pdf

большинство финансовых цепочек собственности составляют кластер из 147-ми компаний. Их активы переплетены друг с другом настолько, что их можно считать общей собственностью. В результате это неофициальное объединение по сути контролирует около 40% мирового капитала. Ещё пример: квартальный отчёт Office of the Currency Comptroller за 2011 год¹⁹, согласно которому четыре банка, а именно: JPMorgan Chase & Co., Citigroup Inc., Bank of America Corp. и Goldman Sachs Group Inc. владеют 95.9% всех деривативов, что составляет примерно 600 триллионов долларов.

Это — и есть те, в чьих интересах работает демократия.

Ситуация, кстати говоря, показательна и как разоблачение либерального мифа о свободе конкуренции — реально ли конкурировать с теми, кто настолько контролирует рынок, начиная с финансового?

Цивилизованная демократия — это охрана и преумножение частной собственности самых богатых людей планеты, вот и всё. Остальные трактовки — лишь прикрытие.

10. Что делать?

Итак, в предыдущих главах мы проанализировали демократию и поняли, что она математически невозможна, неизбежно вырождается в весьма искажённые формы, вплоть до либерофашизма... И тут наконец-то возникает извечный вопрос «Что делать?».

Обычно на этот вопрос отвечают, кидаясь в другую сторону дихотомии — вождизм. Честно говоря, даже неохота разбирать утопичность этого концепта — ещё большую, чем у демократии. Здоровый тоталитаризм — да, очень полезно (наверное, в будущем раскрою тему), но при этом должен быть механизм смены Кормчего, если он начинает лажать, но тогда это уже как бы и не тоталитаризм... Не будем отвлекаться.

Наиболее распространённым и примитивным ответом на «Что делать?!» является попытка дифференцировать избирателей либо ввести дополнительные ограничения.

В первом варианте предлагается ввести некий весовой коэффициент. Ну, например, обычный человек имеет один голос, с высшим образованием — два, а доктор наук — аж 10! Да хоть 1000 — в масштабах страны роли это не играет. При этом, даже если

¹⁹ <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=27106>

действительным членам РАН дать 10000 голосов на каждого — то помните цитату Нордау? То-то же.

Подобные измышлизмы — лишь попытка поумничать, при этом — не особо умная.

Второй вариант более распространён. Распространён среди... как бы это поточнее сформулировать-то... достаточно умных, но не разумных: тех, кто явно не debil, имеет IQ выше среднего, но при этом оторван от жизни как интеллигент и мыслит исключительно сферическим вакуумом. Согласно этому варианту все беды от дураков, а не от умных, и поэтому именно они должны решать, что делать.

Рассуждение приблизительно такое: при демократии избирательные права у всех; но ведь есть дураки, а есть умные; умных куда меньше — кривую Гаусса видели? Соответственно, ежели запретить дуракам голосовать, то умные будут мудро избирать то, что надо. Как следствие — гарантированно наступает лепота и благорастворение воздуха.

Не будем углубляться в вопрос «кто умный, а кто дурак» (скажем, придерживающиеся такой точки зрения себя-то точно относят к умным, хотя лично я с этим категорически не согласен). Просто вспомним, что у нас считается справедливым чуть ли не на уровне спинного мозга (TNX to DoctoR за давнее обсуждение темы):

- равное распределение благ («прав», понимаемых в достаточно широком смысле);
- столь же равное распределение гражданских обязанностей (т.е. ограничений, необходимых для существования социума);
- равенство перед законом при законе, равном для всех.

Справедливость в общественном смысле соответствует организации общества, при которой нет неоспоримых априорных (т.е. дозаконных) преимуществ одной его части над другой. Ещё Аристотель заявлял: «основное начало демократического права состоит в том, что равенство осуществляется в количественном арифметическом отношении, а не на основании достоинства», а Платон указывал на то, что «когда человек... считает, что с ним поступают несправедливо, он вскипает, раздражается и становится союзником того, что ему представляется справедливым, и ради этого он готов переносить голод, стужу и все подобные этим муки, лишь бы победить; он не откажется от своих благородных стремлений — либо добиться своего, либо умереть».

Проще говоря, всеобщее избирательное право — это не мировой заговор рептилоидов, а следствие стремления народа к справедливой организации общества. Можно спорить, насколько разумно такое понимание справедливости, но для народа оно актуализируется в том числе и таким образом, и попытка отнять это право будет воспринята резко негативно даже теми, кто не ходит голосовать: одно дело — распоряжение своими правами согласно хотению, другое — реакция на лишение своих прав, которые давно уже воспринимаются как естественные.

Резюме: на существующем уровне развития социума народ в принципе не может построить более конструктивное общество, чем демократическая республика.

Однако не стоит сдаваться на милость либеральной демократии с ходу. Возможно, есть выход: оставим демократию как лозунг, сохраним теоретически всеобщее избирательное право, но немного подкорректируем критические места.

Тут же вспоминается роман Роберта Хайнлайна «Звёздный десант» (если кто лишь видел фильм, прочтите книгу!). Напомню политическую систему, описанную в романе: избирать и быть избранными имели право лишь те, кто прошёл военную службу в течение двух лет. При этом поступление на неё исключительно добровольное, и даже инвалиду найдут дело по силам. В результате:

«Так в чём разница между нашими избирателями и избирателями прошлого? Мы тут много думали да гадали, так что я позволю себе высказать суждение, которое, на мой взгляд, является очевидным и объективным. При нашей политической системе каждый голосующий и каждый государственный чиновник — это человек, который тяжёлой добровольной службой доказал, что интересы группы, коллектива он ставит выше интересов собственных. Это чрезвычайно важное отличие. Человек может быть не таким уж умным, мудрым, он может ошибаться. Но в целом его деятельность будет во сто крат полезнее для общества, чем деятельность любого класса или правителя в прошлом».

Аплодирую стоя. Очень верно. И — ни разу не применимо к действительности...

В романе описывается общество, в котором такая система *существует давно*. Всё уже устоялось: большинство обывателей занимается обывательщиной (включая полезную), а отдельные ответственные граждане идут на военную службу и занимаются политикой. А что будет, если попытаться внедрить подобное сейчас и здесь?

Да ничего хорошего: от создания «спецрот мажоров» до маразма «альтернативной службы» для тех, кто реально не прошёл по здоровью. Суть потеряется сразу: это в очень развитом обществе без каких-либо материальных и др. проблем пойти на военную службу — ответственный поступок. А если, как в царской России, когда мясо некоторые первый раз в армии пробовали? Сейчас, конечно, не настолько плохо, но тем не менее — если нет войны, и при этом армия — как в романе — не имеет дедовщины, действительно обучает и т.д., то многие с удовольствием и сходят «получить зачёт».

Опять же — нет смысла перебирать все варианты «как нам обустроить демократию через службу» — в любом случае, какой бы идеал не изобрели, всё упирается в переходный период. А мы тут о действительности рассуждаем, а не о фантастике разговариваем...

Ещё один концепт, который в несколько отличающихся вариантах встречается достаточно часто: непосредственные выборы, как бы Советы. Суть приблизительно такова: должны избираться лично знакомые. Например, цех на заводе избирает представителя от себя, они избирают представителя от завода, те уже избирают кого-то там по отрасли регионального масштаба...

Звучит хорошо — но на самом деле грустно. Для начала: а по каким именно группам избирать-то? Ладно, пусть по месту работы. А как быть фрилансерам, домохозяйкам и безработным (да, мы про существующее общество говорим)? С чего бы думать, что на работе выберут именно того, кто умеет управлять, а не просто узкого профессионала (уважаемого в коллективе, да), «просто хорошего человека» или даже вообще «пусть идёт депутатствовать, а то всех тут задолбал»? И такой способ избрания не гарантирует качеств управленца.

И, к слову, помните про американских выборщиков?

Что же делать, спросите вы?

Всё просто. Надо понять три тезиса:

Во-первых, если кто взял власть — то добровольно он её отдаст вряд ли. Мне вспоминается лишь Гай Аврелий Валерий Диоклетиан, но это было в самом начале IV века.

Во-вторых, в современном мире демократический строй — это лишь прикрытие власти, которая стоит над партиями и политиками, и использует их в своих целях. По сути выборы ничего не меняют, кроме ширм и взаимозаменяемых лозунгов.

В-третьих, настоятельно рекомендую прочесть «Притчу про толерантность» Олега Новоселова: необходимо избавляться от паразитов, а не голосовать всем вместе.

Дилемма: надо оставить демократию (условие задачи), но её нельзя оставлять! Но... а, может, есть другая демократия — не менее демократичная, но основанная на иных принципах?

Олег Новоселов, Притча про толерантность

Собрались как-то в кишечнике одного человека глисты. И стали обсуждать свои политические интересы. Сперва выступила аскарида. Она поведала высокому собранию о новых веяниях общественного прогресса. Прошли, дескать, те темные времена, когда с глистами жестоко и бесчеловечно боролись. И нужно де решительно и окончательно покончить с дискриминацией глистов в организме, потому как прогресс не повернуть вспять.

Описторхи восторженно аплодировали и скандировали равенство в правах склеткам печени.

Потом взял слово широкий лентец. Сделал доклад об истории вопроса. Дескать, было раньше золотое время, когда про глистов никто и не знал, не то, чтобы с ними бороться. Но потом наступило смутное и темное время, когда глистов стали травить и выводить. Однако прогресс не стоит на месте. И теперь никто не смеет поставить под сомнение равноправие глистов на питание и свободу их самоопределения в организме. Угнетать глистов медикаментами и прочим мракобесием никому не позволено. И что нужно всеми мерами искоренять глистофобию. Так как глисты равны всем органам человека. И что негоже стоять на пути прогресса.

Печеночный сосальщик в блоке с описторхами выступил за то, чтобы выделить глистам квоту на кровоснабжение в соответствии с их потребностью. И приравнять в правах к головному мозгу.

Слово взял бычий цепень. Он говорил про то, что шовинизм по отношению к глистам совершенно недопустим, так как нарушает согласие в организме и ведет к последствиям. Он предложил издать закон, запрещающий неполиткорректные выражения. Отныне вместо слова «глист» следует употреблять термин «автономный человеческий орган», а вместо слова «паразит» следует говорить «симбиотик второго рода». Идея о политкорректности была встречена бурными аплодисментами, переходящими в овацию.

Все были очень рады и довольны установившимся либеральным порядком и совсем было устроили глист-парад. Но тут вдруг все собравшиеся почувствовали, что почему-то стало холодать. И кислороду с питанием стало маловато. И решили они даже устроить акцию протеста против такой вопиющей дискриминации. Однако не успели.

Человек умер. Не справился его организм с паразитами. Не сдюжил нагрузки. Вот и не стало в его кишке ни питания, ни условий. Издохли вместе с ним и его глисты.

Мораль: Если в человечестве завелись глисты, то срочно нужен глистогон, а не толерантность и борьба с глистофобией и шовинизмом.

11. Демократия по-русски

Отношение к демократии в западных странах — это, по сути, такая вера, почти религиозная: «нет ничего лучше, причём осуществлено это должно быть единственным способом, а и именно — нашим». При этом стремление скопировать западный вариант демократии, слепо наложив его на русский менталитет, подобно навязыванию чуждой религии — мол, уверуйте, и всё поймёте, для нас это — Истина, и для вас должно быть так же. И те, кто пытаются внедрить у нас именно западный вариант демократии — в лучшем варианте исповедуют культ карго, а зачастую являются осознанными сторонниками замены русской культуры на «общечеловеческую» (что de facto означает уничтожение русских и, следовательно, России).

Недаром в 2002-м году в США приняли закон «О демократии в России» (Russian Democracy Act of 2002, H. R. 2121). Цитирую²⁰: «Объявляя “успех демократии в России” предметом “национальной безопасности” США (ст. 2 (а)(6), 3 (а)(1)), закон заявляет о необходимости “правительству США выработать долговременную и гибкую стратегию, направленную на усиление российским обществом поддержки демократии и рыночной экономики” (ст. 2 (а)(6)). На реализацию поставленных целей в 2003 финансовом году Конгресс выделяет 50 млн. долларов (ст.6)». Это какая же забота — за такие деньги помогать другим развиваться! Не поверю: если при капитализме тратятся на что-то деньги, то только для получения прибыли — и, понятно, в свою пользу.

Давайте посмотрим на демократию именно как на «власть народа» — в том виде, как

²⁰ <http://www.pvlast.ru/archive/index.48.php>

она рекламируется в современном мире, а не практическое содержание, которое мы уже разобрали.

Чем же характеризуется западная демократия? Тем, что в этой системе готовы соблюдать формальный закон даже в ущерб себе. Дело в том, что законопослушность на Западе внедрена в мозги на куда более глубоком уровне, чем в России. Это у нас, чтобы закону подчинялись добровольно, он должен быть справедливым, на Западе закон *заменяет* справедливость. Как на это дрессируют в современности — см. ссылки из части IX про полицию США как пример, как это воспитывали исторически — см. историю Европы. Не будем отвлекаться, в контексте важно то, что закон, т.е. правила игры, считается чуть ли не сакральным понятием.

Однако эти правила — абсолютно законно — могут меняться власть предержащими, что мы уже разбирали. Таким образом, насаждение демократии западного образца — это расчистка политического поля под нужды Запада. Это очевидно, и для нас сейчас важнее другое: западное понимание демократии — это именно *борьба интересов разных групп*. Такой подход очевиден на Западе (священная конкуренция!), и все имеющие отношение к делу законы заточены именно под него.

Однако русское восприятие власти совсем другое. Исторически русские сформировались как великодержавная нация: огромная территория, при этом постоянно атакуемая врагами с разных сторон. В таких условиях можно выжить лишь при наличии сильной вертикали власти — поэтому для русского менталитета характерно восприятие власти как «лучше поменьше сталкиваться», но при этом присутствует понимание её необходимости. Отношение к центральной власти практически сакральное — я не раз приводил пример, как народовольцев сами крестьяне тащили сдавать властям, едва они переходили от критики местных управителей до царя.

Для русского менталитета не характерно отслеживать политические интриги по мелочам: либо власть вызывает доверие, либо нет. Великая Октябрьская революция, в частности, произошла потому, что Николай II Кровавый²¹ полностью десакрализировал державность. Стрелял ворон, пока в стране была война и недовольство — не только пролетариата и крестьянства, но вообще всех слоёв населения. Среди «белых» монархистов было мало — достал всех.

Категории типа «общественного договора» — это западный менталитет (что это обманка — думаю, уже понятно), для русского менталитета специфично требование патернализма: да, отец семейства может быть строгим, но должен быть справедливым, защищать и т.д. Кто остался в народной памяти с безмерным уважением, как не пытались хаять их деяния? Иоанн IV Грозный²², Пётр I Великий²³ и И.В. Сталин.

Очень удачно наше понимание демократии сформулировал А.Г. Лукашенко: «Суть демократии заключается в подчинении воли нации». Обратите внимание: не «предоставление свобод», не «гражданский договор», а именно что воля нации. Воля — это понятие, которого нет в западном менталитете в том смысле, в котором он есть в

²¹ http://warrax.net/93/01/nik_blood.html

²² <http://warrax.net/85/rus/rus6.html>

²³ <http://warrax.net/88/petr1.html>

России²⁴.

Известный факт: византийский историк Прокопий Кессарийский писал про славян, что они «не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом» (Прокопий из Кесарии. Война с готами / пер. с греч. С.П. Кондратьева. М.: изд. АН СССР, 1950. — С. 297). VI век, между прочим — что там с демократией в ныне так называемых цивилизованных странах в то же время?

Если при либерализме восприятие категории народа идёт от индивидов, которые вместе суммарно образуют общество (в последнее время — всё более атомарное, и это специально продвигается), то для России характерно восприятие народа как целого, холистичного феномена, и уже он делится на частных индивидов. Это можно называть врождённым коллективизмом, с религиозным окрасом это свойство любят называть «соборностью», но название не важно — важен факт наличия такого свойства. Такое понимание — *nota bene!* — не противопоставляет индивидов всему социуму (и государству), а объединяет их в одну систему. Разумеется, это не означает идеальность работы такой системы без «наладки», но отличие принципиальное — не война всех против всех, не «человек человеку — эффективный собственник», а сотрудничество и соратничество. Понятно, что в историческом процессе ситуации в стране зачастую были далеки от этого идеала, но это уже проблемы реализации.

С древних времён в России существовало копное право — форма самоуправления славянской общины. Это слово имеет тот же корень, что и «копна», «скопом», «совокупность» — именно «объединение», а не «власть кого-то». Характерной особенностью копного права была необходимость принятия именно *общего* решения схода (копы). Не просто «за какое решение кого больше», а «если есть хоть один возражающий — то надо переубедить и его», решение должно быть *единогласным*. На что это влияет? Разница принципиальная: если в системе западной демократии меньшинство было вынуждено подчиняться большинству даже при категорическом неприятии «общего» решения, то в этом случае решение поддерживалось *всеми* — даже если пришлось долго убеждать. И даже если кто лично не участвовал — это означало, что он заранее согласен с решением, которое примет мир (например, ему безразличен решаемый вопрос), но категорически против он не будет. Таким образом, решения действительно принимались всем миром, а не лишь его частью.

Копное право стало ограничиваться при Ярославе Мудром, когда появилась «Русская Правда», формальный кодекс права уже феодального восприятия общества, но в том или ином виде на уровне деревень (т.е. для подавляющего большинства населения) сохранялось ещё очень долго. Конечно, демократия при копном праве также была не всеобщей в современном понимании — участвовали лишь главы хозяйств, но это ничем не отличается от той же Древней Греции и т.д. Кроме того, говоря о том, кто избирает, «забывают» второй важный вопрос: «кто может быть избран». Если его задать, то сразу становится понятным, что современная демократия — это власть богатых. Избирают-то

²⁴ <http://warrax.net/96/02/volya.pdf>

типа почти все, а вот быть избранным на уровне повыше может лишь весьма небедный человек: избирательные компании — дело дорогое, а статус сенатора и т.п. даёт возможность конвертировать власть в деньги.

Давайте также глянем на советскую систему выборов. Она, конечно, не была единой всё время — так, по Конституции 1918 года были «лишенцы», т.е. лишённые избирательных прав: помещики, священники, купцы и пр. В то время это было логично: откровенные идеологические враги не должны определять будущее страны. Затем, с укреплением государства, ограничения были убраны: соответствующие категории в социуме уже отсутствовали. Но это не важно (напомнил просто для объективности картины), характеризуется советская демократия другим.

Во-первых, депутаты даже Верховного Совета (т.е. законодательного органа СССР), представляли собой все страты населения — не только интеллигентов, но и рабочих и колхозников (не говоря уж о независимости от материального положения). Это были действительно народные Советы, а не «избранная элита».

Во-вторых, депутаты не «работали депутатами», а лишь собирались на сессии ВС СССР, остальное время осуществляя свою обычную рабочую деятельность. Т.е. депутатство не было «профессией». Основная масса — не политики «профессионального парламента», а обычные люди.

Кстати, о заработной плате работающих депутатами. В прошлом году депутатам Госдумы подняли оклад до 250 000 рублей в месяц, и это — лишь 18-е место по миру²⁵ в плане доходности депутатства (не считая неофициальных бонусов).

В-третьих, на выборах практически всегда был один кандидат. Как резвились потом по этому поводу либералы — мол, «выборы без выбора», гы-гы.

Однако в законе не было оговорено количество депутатов, такой подход — следствие не законодательства, а народного менталитета. Вот мы в России понимаем демократию именно так: не важна говорильня соревновательности; важно, чтобы кандидат после избрания исполнял свои обязанности достойно. Сами подумайте: в СССР не было конкуренции — ни в политическом, ни в экономическом понимании. Даже КПСС, являлась «руководящей и направляющей силой советского общества и государства» — это не роль партии в западном понимании термина. Как верно пишет И. Николаев в статье «Демократия в СССР и на Западе»²⁶:

«Теперь зададимся вопросом, а что является руководящей и направляющей силой в западных капиталистических странах, кому там принадлежит реальная управленческая власть? Ответ очевиден — частному предпринимательству. Частное предпринимательство и выполняет на Западе ту функциональную роль, которую играла в СССР коммунистическая партия, организуя все стороны политической, экономической и общественной жизни. Крупным частным корпорациям и богатым семьям и кланам, связанным между собой личными неформальными связями и принадлежит на Западе реальная власть».

Всё просто: если депутат не устраивал, за него можно было не голосовать, и если его не

²⁵ http://www.gazeta.ru/politics/2013/11/06_a_5740477.shtml

²⁶ <http://www.usinfo.ru/sssrmyfy2.htm>

выбрали бы — то был бы назначен другой. Как нетрудно догадаться, это существенно экономит средства на предвыборную кампанию. Да и в условиях общности идеологии (а мы уже обсуждали вопрос «почему идеология должна быть одна») речь идёт не о смене курса, а лишь о том, доверяет ли народ конкретному кандидату или нет. Конечно, было стремление достичь 100%-го результата со 100%-й явкой, но это — именно стремление к тому, чтобы *выбор был единогласным*. Такая у нас традиция, да. И это куда более логично, чем «на выборы пришло 20% избирателей, выборы выиграл кандидат N, набравший 25% голосов проголосовавших».

В-четвёртых, важным признаком наличия народовластия, с моей точки зрения (и не только), является возможность снять того депутата, который не оправдал доверия избирателей. «За период с 1959 по 1989 г. было отозвано свыше 8 тыс. депутатов всех уровней, среди них из Верховного Совета СССР — 12 депутатов» (Сравнительное избирательное право: Учебное пособие. М.: НОРМА, 2003. — С.22). Сейчас в РФ у избирателей вообще нет права отзыва депутатов Государственной Думы, да и в «цивилизованных странах» — как часто это делается, даже если где и есть такой закон?

Не знаю, как считает читатель — а лично для меня подход к выборам и депутатам в СССР выглядит куда более логичным и справедливым.

Суть западного восприятия метко выразил Абу Шломо: «Сторонник демократии убежден, что способ принятия решения важнее качества принятого решения».

Думаю, на этом месте многие удивятся: но ведь если не будет соревновательности, то выбран может быть далеко не лучший кандидат! Что ж, разберём этот вопрос в предпоследней главе... Но неужели по прочтении уже имеющегося текста кто-то ещё реально придерживается верований, что при демократии выигрывает выборы действительно лучший кандидат?! Я имею в виду — для народа, а не в плане пронырливости и удобства для олигархии.

12. Функциональность

Итак, чего стоит тезис «без отсутствия соревновательной составляющей может победить не лучший кандидат?».

Ровным счётом ничего. Сами подумайте — а разве каждый раз побеждает самый лучший кандидат? Ладно, пусть так — слава сферическим эльфам в абсолютном вакууме! Но если даже на каждом участке победит самый-самый из списка, то всё равно будет некое множество избранных депутатов с разными способностями, различным отношением к работе и так далее. При этом на одном участке может быть, скажем, конкуренция между депутатами с, образно говоря, 80%, 85% и 90% эффективностью, а на других — соревнуются с показателями 30-50%, а то и 5-10%. В результате «на выходе» имеем набор депутатов вида 10-50-90, а вовсе не 80-85-90. И это — если не учитывать то, что уже после избрания депутат может измениться (и обычно люди меняются не в лучшую сторону).

Так что все рассуждения на тему «лучшести» кандидатов — это обычная либеральная мантра «слава священной животворящей конкуренции» (вспоминается серия

«Футурамы», где выборы были из двух клонов). Всё просто: депутаты должны исполнять определённые обязанности, и выбранные индивиды должны с ними справляться. Если они будут справляться с ними очень хорошо — это замечательно, но вполне достаточно просто справляться. Важна не конкуренция между депутатами, а сотрудничество выбранных в плане исполнения своих функций. На примере из предыдущей главы: в СССР голосовали не за некую политическую программу или обещания кандидата — все они должны были выполнять социалистическую программу, — а оценивали способности кандидата: сможет справиться, по мнению избирателей, или же нет. *Этого достаточно.*

Вспомним известные эксперименты Стэнли Милгрема²⁷ (Йельский университет, 1963 г.) на тему подчинения. Они однозначно показали, что для организации работы требуется следующее:

1. Необходим руководитель, который всё время говорит, что делать, при этом он должен делать это лично.

2. Чем выше авторитет руководителя, тем эффективнее работа.

3. Недопустимо наличие кого-либо, кто имел бы право отдавать противоположные указания.

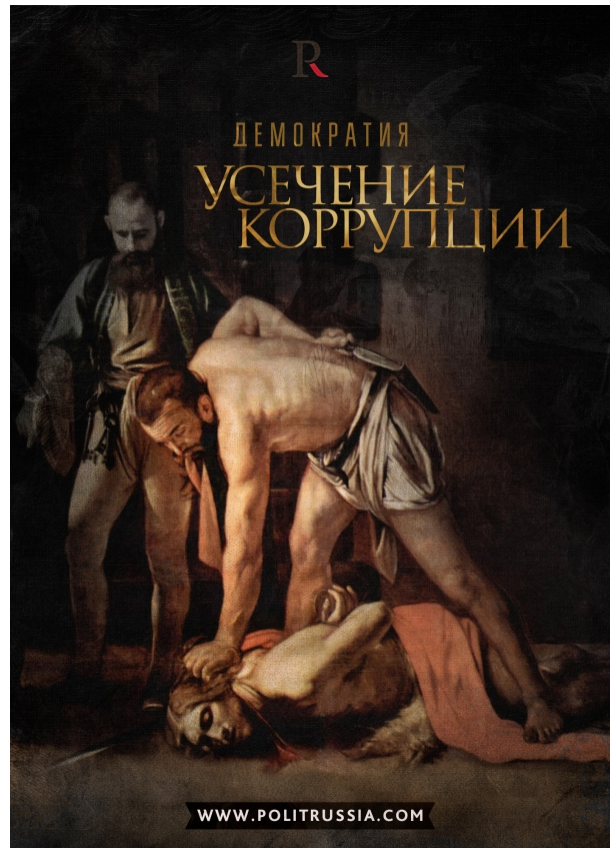
Из этого прямо следует, что при руководстве любой работой недопустимы «альтернативные руководители» — а именно ими по сути являются депутаты с другой политической программой. Даже слабый руководитель может справляться с работой, если ему не будет кто-либо

противодействовать (случаи преднамеренного вредительства не рассматриваем), и даже сильный руководитель не сможет работать эффективно, если кто-либо со сравнимым авторитетом будет отдавать несовместимые распоряжения.

Демократы-либералы совершают тонкую, но критическую подмену: заявляют, что если нет свободы во время осуществления работы, то это — отсутствие демократии (TNX за тезис **pvn123**²⁸).

На самом же деле эффективность работы обеспечивает иной подход: широчайшее и свободнейшее обсуждение проблемы при выработке решения, демократия на полную мощность и так далее... Но как только решение принято (желательно единогласно, как уже обсуждалось) — всё, демократия закончена и должен быть включен здравый тоталитаризм на время выполнения запланированного.

Конечно, это не значит, что с этого момента критика недопустима в принципе, но она

²⁷ <http://psychoexp.ru/milgrem/eksperiment-milgrema-povinuemost.html>

²⁸ <http://pvn123.livejournal.com/>

должна либо идти в контексте улучшения работы, либо если будет обнаружена совсем уж серьёзная ошибка — на которую и надо указать. Демократическая же оппозиция функционирует отнюдь не по принципу «критикуя — предлагай», а именно что занимается критиканством, что существенно отличается от конструктивной критики. Таким образом, если демократия продолжает работать на этапе исполнения решений — то КПД снижается катастрофически.

Опять же вспоминаем опыт СССР: в отличие от представительской демократии с профессиональными политиками, заседающими в парламенте, советские депутаты работали там, где избирались, общаясь как с обычными избирателями, так и с исполкомами, профсоюзами, партийными организациями и т.д. Недостатков в СССР было много, но принимать антинародные законы в таких условиях затруднительно. А вот в западной модели демократии депутаты «профессионально» занимаются политикой — и народ выходит на улицы протестовать против антинародных законов, которые приняли ими же избранные политики...

Таким образом, нормальная, разумная демократия невозможна без механизма контроля депутатов и других выборных лиц. Сразу вспоминаются два произведения Р. Шекли.

«Обмен разумов»: «На Цельсии-5 высшее проявление культуры — дарить и принимать подарки. Отказаться от подарка невысказано; такой поступок вызывает в любом цельсианине эмоцию, сравнимую разве что с земной боязнью кровосмешения. ... И вот некий выборный чиновник получил от своих избирателей красивое кольцо в нос. В нем обязательно надо красоваться две недели. Великолепная была вещица, только с одним недостатком — она тикала. ...

“Неужели они проделают со мной такое? — спрашивал себя Мардук. — Только из-за того, что я перепланировал старый, грязный жилой округ под предприятия тяжелой промышленности и вступил в соглашение с гильдией домовладельцев, обязавшись повысить квартирную плату на 320 процентов взамен их обещания в пятидесятилетний срок установить новые водопроводные трубы? Так ведь, боже правый, я никогда и не выдавал себя за совершенство”.

Кольцо весело тикало, отсчитывая секунды, щекоча нос и будоража душу. Мардуку вспомнились другие чиновники, которые головами заплатились, получив дары...».

«Билет на планету Транай»: «...в так называемой Гражданской приёмной. Это чисто транайское учреждение помещалось в небольшом здании на тихой боковой улочке.

Внутри Гудмэн увидел большую доску с именами нынешних государственных чиновников Траная и с указанием их постов. Рядом с каждой фамилией находилась кнопка. Дежурный объяснил, что граждане путём нажатия кнопки выражают своё неодобрение действиям того или иного чиновника. Нажатие автоматически регистрируется в Историческом зале и навсегда клеймит провинившегося. ...

— Все государственные служащие, — объяснил Мелит, — носят медальон — символ власти, начинённый определённым количеством тессуума — взрывчатого вещества, о котором вы, возможно, слышали. Заряд контролируется по радио из Гражданской приёмной. Каждый гражданин имеет доступ в Приёмную, если желает выразить

недовольство деятельностью правительства...

— Вы позволяете людям выражать своё недовольство, взрывая чиновников? — простонал испуганный Гудмэн.

— Единственный метод, который эффективен...».

Интересные методы, но не без недостатков, к практическому применению не пригодны: мало ли кто что подарит или спамить начнёт... А вот в Сингапуре есть опыт, который имеет смысл позаимствовать в плане борьбы с коррупцией. Причём Бюро занимается не только коррупцией чиновников, но и в частном секторе следит за недопущением взяток и откатов. А, главное, Закон о коррупции 1989 года позволяет конфисковывать имущество и денежные средства, происхождение подозреваемый не может объяснить, исходя из официального дохода. Недаром у многих либералов, заставших СССР, претензии не столько к КГБ, сколько к ОБХСС (если кто не в курсе, то Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности).

Для того, чтобы демократия работала намного эффективнее, необходимо всего три условия:

1. Личная ответственность за принимаемые решения. Не «комиссия решила» и никто не виноват, если что — а «Иван Иванович принял решение» и будет за него отвечать вплоть до отсидки и расстрела. Не нравится — не лезьте во власть. Права и обязанности должны быть сбалансированы.

2. Прозрачность доходов, трат и проч. Если идёшь во власть — то финансовая сторона должна быть прозрачной. Причём включая семью и исключая стандартную для Запада схему «лоббируете законы в нашу пользу, а как выйдете в отставку — получаете высокооплачиваемую синекуру в нашей корпорации». И за нарушения в этой области — очень суровая ответственность.

3. Политиканство полипартийности должно быть исключено (см. гл. VI). Должна быть единая идеология, одно общее направление развития.

13. Как надо: демократия для большинства

Что ж, вот и подошло к концу наше исследование демократии. Мы выяснили её антинаучность и ставку на манипулирование толпой, определили недопустимость использования соревновательной парадигмы при выборах и при исполнении решений, а также указали на принципиальное отличие русского менталитета от западного по отношению к данной теме. В принципе, «как выбирать» со стратегической точки зрения уже ясно, остальное — дело тактики. Скажем, понятно, что за головотяпство, приведшее к серьёзным негативным последствиям, ответственный должен понести адекватное наказание, но оно должно быть всё же поменьше, чем если обнаружится коррупционная составляющая, а выявленное лоббирование интересов других государств и транснациональных корпораций должно караться вплоть до применения высшей меры социальной защиты, но конкретику «за что сколько» (или, скажем, тонкости процедуры отзыва полномочий) обсуждать здесь, в обзорной статье, смысла нет.

В целом крайне рекомендую перечитать «Закон Паркинсона» — книга, несмотря на

развесёлую форму подачи материала, раскрывает очень правильные феномены государственного (и не только) управления.

Главное — что все, кто будут избраны, работали бы на одно дело: развитие государства и нации во всех аспектах. Как этого достигнуть? Только при помощи соответствующей идеологии. Вредоносность многопартийности — и, следовательно, полиидеологичности, уже обсуждалась, но остаётся вопрос: так какой же должна быть Самая Правильная Идеология?

Подавляющее большинство тут же начнёт продвигать свою, любимую — и демократия тут же утратит шанс стать русской, откатившись обратно к западному соревновательному варианту. Да, я лично, будучи русским социалистом, могу подробно и убедительно доказать, что именно такая идеология оптимальна для русских и России. Но как бы я не был убедителен с точки зрения логики и фактологии — всё равно будет множество тех, кто убеждён, что он ещё более прав в своём «-изме». Просто потому, что зачастую чувство причастности к определённой идеологии — феномен более религиозного характера, чем рассудочной деятельности. И, соответственно, споры «чьё кунг-фу круче» — опять же ведут к западной модели...

Но выход есть. Вспомним евгенику и применим её к политической деятельности. Евгенику часто ругают, припоминая концепцию «белокурых бестий» (между прочим, её изобрели не немцы, а англичанин) — мол, надо всех стремиться сделать одного, «самого правильного», образца. По этому поводу писал ещё великий Фридрих Ницше. «Человеческое, слишком человеческое», §224: «Опасность этих крепких обществ, опирающихся на однородные, сильные личности, состоит в том, что они легко глупеют и что это оглушение, которое, как тень, всегда сопровождает всякую устойчивость, постепенно растёт, передаваясь по наследству». Стремление привести всех к Единственно Верному Образцу (Абсолюту), навязать Истину и проч. — всегда приводит к вырождению, для эволюции требуется вариативность, разнообразие.

Тут пытливый читатель, возможно, удивится — как это, тогда следует приветствовать либерализм, который поощряет разнообразие, каким бы оно ни было?

Ни в коем случае — не надо так по-человечески кидаться в дихотомии. Свобода, и тем более русская воля²⁹ — это не вседозволенность. Помимо «штамповки белокурых

²⁹ <http://warrax.net/96/02/volya.pdf>

бестий», есть понятие отрицательной (негативной) евгеники. В этом случае нет «самого правильного эталона», но есть установленный нижний предел нормы, ниже которого опускаться недопустимо. Не будем отвлекаться на биологическую евгенику — набегут гуманисты, и будет сплошной оффтопик, — просто порекомендую ознакомиться с тезисами известного генетика, академика В.А. Кордюма «Генная терапия неизбежна, но успеем ли?»³⁰, написанными ещё четверть века назад. Посмотрим, как этот принцип применяется к идеологии.

А очень просто: должны отсеиваться заведомо вредные и дегенеративные концепции, остальное — обсуждаемо (на этапе, пока не принято решение, как раскрывалось выше).

Скажем, приснопамятный вопрос на тему частной собственности на средства производства. Ну смешно же сейчас: что, программист не имеет права иметь в собственности компьютер? Почему не может быть частного такси? С другой стороны, только откровенный враг народа будет утверждать, что-де надо отдать в частные руки стратегические отрасли хозяйства, природные ресурсы страны и т.д. — да и Центробанк не должен быть частной лавочкой, не находите? Таким образом, вопрос в балансе.

Отсекаются крайние либералы (тут уже давно всем понятно, что они работают против России) и крайние, ортодоксальные марксисты (тут больше честных идеалистов, но кому от этого легче). Общество должно быть многоукладным в плане экономики (пример Китая очень нагляден) — это общая идея, которую должны продвигать все выбранные народом. А вот далее должны быть широчайшие — и аргументированные! — дискуссии на тему конкретики «до какого предела можно пускать частника» и т.п. (причём не обязательно «навечно», а именно на данном этапе), а затем — строжайшее исполнение принятого решения.

Конечно, возникает вопрос: а как определить, что полезно, а что вредно?

Ну да, постмодернизм — он такой постмодернизм... Но ладно, давайте обсудим.

0. Не бывает пользы/вреда «вообще», они всегда — для кого-то/чего-то. В нашем случае — для развития русской нации и укрепления России. От этого и смотрим.

1. Некоторые вещи очевидны. Действительно очевидны. Скажем, образование должно быть качественным и системным, необходимо обучать думать, а не просто зубрить — возражения есть? Если у кого и есть, то только у тех, кто хочет, чтобы русские были тупыми и ограниченными. Необходимо развивать науку и производство, укреплять обороноспособность — возражения есть? Если есть, то понятно у кого.

При этом, обращаю внимание, вопрос «как именно должно быть организовано образование» — дискуссионный, но «подтема» обсуждается ровно по тем же принципам: так, давно известно, что т.н. болонская система обучения системно вредна³¹ (не зря её либералы внедряют, а дети элиты по всему миру обучаются совсем по другим методикам), а про ЕГЭ я вообще молчу (да и написал³² по теме давно).

2. Есть случаи однозначной деградации и недопустимости. Ну, чтобы никто (надеюсь)

³⁰ <http://www.xpomo.com/ruskolan/rasa/genetik.htm>

³¹ <http://warrax.net/88/edu1.html>

³² <http://warrax.net/88/edu2.html>

не возражал — легализация педофилии.

3. То, что вариабельно и требуется установить некий баланс. Историческое «пушки вместо масла» или «ракеты или колбаса». Понятно, что должны быть и ракеты, и колбаса — недостаток качественных товаров народного потребления уже привёл к известной ситуации «страну за джинсы продали». И вот тут, образно говоря, баланс ракет и колбасы как раз обсуждаем — но с пониманием, что ракеты необходимы, и много.

Кстати говоря, как раз к концу 80-х СССР достиг уровня развития, когда мог по факту выйти на рынок космической техники главным игроком, к тому же была масса новых высокотехнологичных разработок (те же экранопланы), и отставание было разве что в микроэлектронике. При этом оборонные задачи были решены, международное влияние было... И вот именно тогда, когда можно было устало вздохнуть и уделить внимание быту, нивелировав эффект западных витрин — страна и народ были преданы «элитой».

4. Есть нейтральные пожелания, типа «а давайте поддерживать наши локальные чаяния, они не вредные». В большинстве случаев решается методом «да пожалуйста — за свой счёт, а не общенародный».

5. Самый сложный вопрос: понятно, что общество должно развиваться, т.е. меняться. При этом изменения необходимы, но предлагаемые — далеко не всегда полезны. Проблема решается достаточно просто: если изменение естественным образом следует из менталитета народа (если не очевидно, то проводится референдум), оно допустимо, если же противоречит — то допустимость становится под большой вопрос и требуется всестороннее исследование не тему «зачем?», т.е. какая такая польза будет от предлагаемого настолько, что целесообразно менять ажно менталитет всего народа?!

Чтобы не бегать далеко за примером: те же приснопамятные гомобраки и проч. В русской среде никогда такого распространено не было (чай, не древнегречия какая), и либеральные попытки это навязать вызывают возмущение действительно всех социальных групп (кроме оголтелых либералов, противопоставляющих себя России). Это не религиозный вопрос (в «цивилизованных» странах уже и священники-геи попадают), и против выступают далеко не только православные, но и атеисты, а именно — вопрос культуры, менталитета народа. Либералы ставят вопрос как «свободу от» — типа она у них священна, но в таких случаях необходимо провести, не побоюсь заявить — научный анализ на тему «что полезного от этого будет народу России». Не отдельным альтернативно сексующимся, а именно народу в целом. И вполне достаточно психологического вреда «народу не хочется и противно» — с чего это подавляющее большинство должно подчиняться меньшинству и испытывать стресс? Впрочем, это мы уже разбирали...

Ну и последнее.

То, что должно продвигаться цельно, без «-измов», должно соответствовать пониманию справедливости в русском менталитете — т.е. именно тому, что считает справедливым большинство. Из старого³³:

- власть справедлива, если обладающий властью пользуется ей на благо народа в

³³ http://warrax.net/89/9/socialism_ussr.html

целом (в понимании народа); при этом он может быть жесток и т.д., но народ все равно его помнит и уважает (Петр Великий, И. Сталин);

- экономическая разница в доходах справедлива, если богатство заработано, а не украдено, нажито спекуляциями и проч. При этом она должна быть «в рамках», а не с таким отрывом, как сейчас;
- суд справедлив, если судит не только по закону, но и «по совести» (в отличие от Запада);
- справедливо, если все трудятся на благо общества; заработная плата, а не «доход»;
- справедливо патерналистское отношение к населению;
- справедливо классическое: «От каждого — по способностям, каждому — по труду».

... и так далее. Вопрос «что именно считается справедливым» — тема для докторской диссертации; но, с другой стороны — это «понятно и так» любому, кто принадлежит к русской культуре (и даже не обязательно является этнически русским). Недаром некоторые так не любят даже сам термин «менталитет»³⁴...

Ну и совсем в заключение процитирую С. Метика: «Когда американцы говорят — любой труд почетный, это относится к такому труду, за который платят деньги. Когда ту же фразу говорит русский, он имеет в виду, что любой труд социально полезен».

Вот к этому и должна быть направлена работа народных избранников: организация страны таким образом, чтобы любой труд был социально полезен, а всё то, что идёт во вред народу, пресекалось (а в сомнительных случаях — не поддерживалось).

Всё это, понятно, не панацея. Но именно такой подход соответствует русскому менталитету и пресекает западные правила игры, устанавливая свои.

Они идут «от индивида», рассматривая социум как атомарный конгломерат собственников (просто у некоторых собственность ничтожна, а то и меньше нуля), русский же подход — это единая нация с другими комплиментарными этносами в сильной державе. Пока мы едины — мы непобедимы. Русских очень давно никто не побеждал «снаружи», все беды — от предателей изнутри, находящихся на достаточно высоких должностях, чтобы причинять вред всей стране. Поэтому и необходима персональная ответственность, но это уже, хотя и не совсем другая история, но другая тема...

Наше дело правое — мы победим!

август-сентябрь 2014

³⁴ <http://warrax.net/93/15/mental.html>